

НИЯЗБЕК

Юлия Латынина

Кавказский цикл

Юлия Латынина

Ниязбек

«ЭКСМО»

2005

Латынина Ю. Л.

Ниязбек / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2005 — (Кавказский цикл)

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЛАТЫНИНОЙ ЮЛИЕЙ ЛЕОНИДОВНОЙ,
СОДЕРЖАЩИЙСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ С 09.09.2022.
Когда его брата взорвали, он не вышел из мечети, пока не закончился намаз.
Когда президент республики приехал на соболезнование, он сказал: «уходи,
а то я буду стрелять». Он не хочет договариваться ни с кем. Он не слушает
никого, кроме своей совести. Когда в республике вспыхнет мятеж, на чьей
стороне будет этот человек — на стороне России или Аллаха?

© Латынина Ю. Л., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава первая	13
Глава вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Латынина

Ниязбек

Дорога бежала белой полосой по боку горы, и внизу дороги ослепительная зелень леса перемежалась прочерками красноватых скал. На самом краю, возле обвязанной ленточками оградки, сидел старик-чеченец в длинной рубаше и с лицом, морщинистым, как грецкий орех. Человек грустил и держал в руках бампер.

Заурчало, по кустам, как шрапнель, шарахнулись спугнутые птицы, и через минуту из-за скалы показалась колонна. Впереди колонны ехал БТР. За ним два «Урала», за «Уралами» бензовоз, а за ним – похожий на черный гроб «Гелендеваген». Замыкал колонну еще один БТР.

«Гелендеваген», мягко прошуршав шинами, остановился около чеченца, и в дорожную пыль прыгнул человек в камуфляже, придерживая переброшенный через плечо автомат. Человек был очень, по времени гор, молод: ему было лет тридцать, и вдоль черных живых глаз к полным губам барашком сбегала черная курчавая борода.

– Салам алейкум, Харон! Что ты такой грустный?

– Ваалейкум ассалам, Арзо! Моя машина уехала без меня, а я прожил с ней больше лет, чем с моей последней женой. Вот я и грущу.

– И глубоко уехала? – спросил Арзо.

– До самого низа, – со вздохом ответил старик и положил на землю бампер.

– А что за машина-то? – спросил третий участник разговора, прыгнувший с БТРа. Он тоже был в камуфляже и с оружием.

– «Волга». Хорошая была машина, – вздохнул Харон, – когда твоя матушка, Арзо, была тяжела тобой, мы с твоим отцом привезли ее на этой «Волге» в больницу.

Арзо Хаджиев подошел к самому краю дороги и посмотрел вниз, словно надеясь увидеть тридцатидвухлетнюю «Волгу» и канувший вместе с ней в пропасть мир советских автозаводов, табачных полей и красных флагов у сельсовета по праздникам. Но ничего не было видно, кроме клубков изломанной колючки, покрывающих почти вертикальную в этом месте скалу, и встающего со дна ущелья леса.

– Садись, – сказал Арзо, – Если ты в Сехол, я тебя подвезу.

Но Харон только покачал головой.

– Нет, – сказал он, – я, пожалуй, вернусь домой. И потом, там было варенье. Я вез отцу варенье. Я наверное, лучше спущусь за вареньем. Вдруг оно уцелело?

Арзо, пожав плечами, подошел к «Гелендевагену» и открыл заднюю дверь. Весь багажник «Гелендевагена» был забит мешками. Арзо вспорол бок одному из мешков и достал оттуда три пачки российских рублей.

– Это тебе на новую машину, Харон, – сказал Арзо, – И не лезь ты за этим вареньем. Все равно там все разбилось. Ты лучше спроси отца, ему русский не нужен за скотиной ходить? Дешево отдам.

Через минуту колонна тронулась, оставляя за собой облако желтой полупрозрачной пыли. Старый Харон все так же сидел на краю дороги, держа в одной руке бампер, а в другой – русские деньги. Деньги были совершенно новые, и Харон не был уверен, что они настоящие. Кто его знает, откуда Арзо взял эти деньги? Вот автоматы у таких, как Арзо, были настоящие. А деньги – вряд ли.

Когда колонна проехала, Харон поднялся, аккуратно пристроил бампер возле камня, бросил последний взгляд на ущелье, поглотившее советскую «Волгу», и пошел домой.

Солнце стояло высоко в небе, когда колонна въехала в длинное горное село, лианой обвившееся вокруг единственной улицы. «Уралы» и «Гелендеваген» завернули в высокие черные ворота. БТРы остались снаружи.

Люди Арзо достали мертвых товарищей из грузовика, и вытащили мешки с деньгами из «Гелендевагена». За мешками в багажнике лежал человек. Руки его были примотаны к позвоночнику скотчем. Когда человека бросили на землю, он лег, как кучка опавших листьев, и одна из куриц, бродивших по двору, подошла к нему и стала выклевывать кровь из его рукава. В этом дворе крови бывало так много, что даже куры знали ее на вкус.

Человек, которого привезли в «Гелендевагене», открыл глаза около четырех вечера. Это был щуплый паренек в грязном камуфляже, но на солдата он мало походил. Во-первых, он был явно старше – ему было лет двадцать семь-двадцать восемь, и узкие руки его с длинными пальцами казались скорее руками пианиста, нежели бойца. У человека были серые глаза и темно-русые волосы, и в лице его была та округлая мягкость, которая часто бывает у детей высокопоставленных родителей, ответственно подходящих к жизни, но не выдавших особых проблем.

Подвал, где лежал пленник, был маленькой грязной клетью с низким потолком и нестерпимой вонью от ямы для испражнений, выкопанной в правом углу. По четырем сторонам подвала были настелены доски, слишком короткие, чтобы можно было лежать на них, не подгибая ноги, и слишком узкие, чтобы поместиться на них с согнутыми ногами, и через узкое окошко в подвал свешивалось несколько золотых прядей солнца.

Посередине подвала в бетон был впаён кусок рельса, а в рельс были вварены четыре цепи. Цепи были такие короткие, что человек, сидящий в дальнем от ямы углу, не мог добраться до ямы, и поэтому кроме ямы, в подвале было еще и ведро. По ведру было видно, что в этом подвале насчет пленников все продумано, как у хорошей хозяйки подвал продуман насчет солений.

Сероглазый пленник был не один: в подвале были еще трое.

– Владислав, – сказал русский.

– Гамзат, – сказал один из пленников.

– Гази-Магомед, – сказал другой.

Третий старожил ничего не сказал: он лежал на досках лицом вверх, и на лице его копошились мухи.

Гамзату было лет двадцать пять: он был строен и худощав, с поразительно большими черными глазами, и маленьким треугольным подбородком, поросшим черной щетинкой. Если бы не этот неудачной формы подбородок, он бы походил на ангела. Гази-Магомед был старше лет на восемь; это был тучный черноволосый мужчина с глуповатым наждачно-серым лицом. Владислав подумал, что эти двое сидят здесь недавно: борода у них еще не успела вырасти, а Гази-Магомед не успел отошать.

– Вы чеченцы? – спросил Владислав.

– Нет, – ответил Гамзат, – мы рутульцы. Разве чечен чечена украдет? За это разбираться будут. Это вот за него разбираться не будут, – и Гамзат кивнул на человека, которого подъедали мухи.

– Что это с ним? – спросил Владислав.

– Собака поела, – ответил Гамзат.

А Гази-Магомед пояснил:

– Они его вытащили и говорят: «Трахнешь собаку, отпустим». Ну, он ее и трахнул. На глазах у всех. А у нее течка была, ну и что-то там у нее внутри заклинило. Они сцепились, а

расцепиться не могут. Солдат орет, собака его жрет, чечены хохочут. Ты, если они тебе собаку велят трахнуть, не делай этого. Все равно не отпустят.

Владислав зажмурился, а когда он открыл глаза, медная полоска от солнца на полу исчезла, и вместо полоски в подвале поблескивали только цепи.

– Он русский? – спросил Владислав, глядя на человек, закусанного собакой.

– Русский, – подтвердил Гамзат. А Гази-Магомед прибавил:

– Разве такое с рутульцем сделают? Или с лезгином? Или с аварцем? Если такое с рутульцем сделают, за это весь род мстить будет. А за русского кто будет мстить?

Сероглазого Владислава достали из подвала к вечеру. Село справляло поминки, и ему велели убрать тела двух русских солдат, застреленных во время поминок.

Во дворе трещали автоматные выстрелы, и в дымящихся котлах с мясом можно было сварить человека. То, что осталось от русских, велели отнести собакам.

Когда пленник сделал свою работу, один из чеченцев подтолкнул его тычком автомата:

– Туда.

Под навесом стоял БТР, и на броне сидел курчавый бородатый Арзо. Русского швырнули на колени перед чеченцем.

– Как тебя зовут? – спросил Арзо.

Он говорил по-русски тихо и неожиданно чисто, и только между согласными его речь – речь человека, полжизни прожившего в русском городе Грозный – перекатывалась с камешка на камешек, как торопливый Терек.

– В-владислав. Владислав Панков.

– Ты солдат?

– Н-нет, Я просто... сопровождал груз. Вагоны то есть.

– Ты чекист?

– Нет. Я... я сотрудник Центробанка. Я по образованию финансовый работник, у меня же документы... у меня все документы с собой.

– Ты стрелял в моих людей?

Владислав невольно дотронулся до переносицы. На ней темнел горизонтальный шрам. Когда его брали в плен, приклад автомата впечатал в переносицу дужку от очков: у Владислава было минус четыре.

– Да, – сказал Владислав.

– Ты никакой не финансист, – сказал Арзо, – ты чекист. Ты действительно учился в Гарварде, но это потому, что ты сын Авдея Панкова. Министра Панкова. Я знал, что ты будешь сопровождать груз. Меня особо попросили об этом одолжении, чтобы я пристрелил сына Панкова. Еще мне сказали, что в вагонах будут деньги. Много денег. Два триллиона, сказали. Триллион, сказали – твой.

Русоволосый пленник вздрогнул. Ему с самого начала казалось это странным – что боевики, войдя в Грозный, пошли сразу к железнодорожному вокзалу. И что именно за два часа до их нападения на вокзал приехал состав, груженный наличными деньгами для реконструкции Чечни.

– Только в вагонах не было денег, – сказал Арзо.

– Это не может быть! Я сам...

– Это очень удобно. Грузишь в вагоны два триллиона наличных. Они уходят в Чечню. Где деньги? Украли боевики. А я там троих оставил. Для чего? Что я скажу их матерям?

Владислав молчал.

За спиной Арзо появился молоденький боевик, и в руках его была видеокамера.

– Говори, – сказал чеченец.

– Что?

– Скажешь, что ты в руках Арзо Хаджиева. Что с тобой хорошо обращаются. Ты скажешь, что в вагонах было только пять мешков, и что люди, которые отправили тебя с вагонами, хотели, чтобы я тебя убил. Еще ты скажешь, что если твой отец хочет, чтобы ты жил, он должен разыскать пропавшие мешки. Он все-таки министр финансов.

Когда охрана увела щуплого русского с серыми глазами, Арзо еще раз прослушал запись и приказал переписать ее на магнитофон. Затем он набрал номер по спутниковому телефону. Вместо того, чтобы поздороваться с собеседником, он включил магнитофон.

– Как ты думаешь, – спросил он, когда пленка закончилась, – лучше, чтобы я получил деньги или чтобы Авдей Панков получил эту запись?

Солдат, которого искусила собака, умер ночью, и когда Владислав проснулся, он увидел, что лежит голова к голове с трупом.

– А вас за что украл? – спросил Владислав.

– У нас есть спиртзавод в Торби-кале, – сказал Гамзат, – мы у него деньги брали.

– Пять миллионов долларов, – сказал Гази-Магомед.

Мысль о том, что бородатый человек с автоматом может кому-то ссужать деньги, показалась молодому выпускнику Гарварда удивительной.

– У Хаджиева? – уточнил он.

– Ну да. А потом он устроил резню в Бочоле и мы не вернули долг.

– Если бы мы вернули долг, ваше ФСБ сказало бы, что мы финансируем террористов, – прибавил Гази-Магомед.

Владислав озадачился. Это был интересный юридический казус. Если человек, у которого ты взял деньги, стал международным террористом, означает ли это, что возврат долга подпадает под статью «финансирование преступной деятельности»? Правда, Владислав не думал, что эти люди не вернули деньги, чтобы не попасть под статью. Он решил, что они воспользовались моментом.

– И что он с вами сделает? – спросил Владислав.

– Сложно сказать, – ответил Гамзат, – ведь он не выпустит нас, пока мы не вернем деньги.

– А пока мы здесь сидим, мы никогда не сможем их собрать, – грустно добавил Гази-Магомед.

Соболезнование продолжилось на второй и третий день. Погибшие были людьми известными, и многие, прослышавшие об их смерти, приезжали из далеких сел. Двое даже прилетели из Москвы.

На третий день утром Панкову отрезали палец. Его вытащили из подвала, и на этот раз ничего не записывали, а просто приказали позвонить отцу. Когда по отцовскому сотовому ответил строгий служивый баритон, взбешенный Арзо ударил русоволосого пленника в лицо, а потом его растянули по земле, как шкурку на просушку, и оттяпали мизинец. Это оказалось не так больно, как удар в челюсть.

Вечером третьего дня ворота дома Арзо распахнулись, и в них въехали два серебристых джипа, доверху набитых вооруженными людьми.

Человек, который командовал новой партией гостей, был гораздо моложе самого Арзо. Он был высок – выше чеченца на полголовы, и двигался с балетной плавностью борца или каратиста. В отличие от Арзо, он был чисто выбрит, и на по-юношески припухлой щеке, пере-

ходящей в капкан подбородка, странно смотрелся свежий порез от безопасной бритвы. Его волосы и глаза были того же цвета, что и ствол его «Калашникова», и в отличие от остальных своих людей, он не держал автомат в руке. Тот был подвешен на длинный серый ремень и перекинут через плечо, как сумка почтальона.

Новоприбывший обнялся с отцом Арзо и направился к навесу, под которым сидели полевой командир и его брат. Арзо поднялся ему навстречу.

– Ты украл моих родичей. Ты поступил неправильно, Арзо. Верни мне их.

В отличие от остальных гостей, новоприбывший обратился к Арзо не на чеченском, а на русском – так, как всегда обращаются к человеку другого народа горцы Кавказа. Да и русский его был значительно неряшливей, чем у Арзо, – с безупречным синтаксисом и грамматикой, но с резким гортанным выговором, как будто каждую согласную в слове натерли наждаком.

– Они должны мне пять миллионов, Ниязбек, – ответил Арзо, – и еще два за моральный ущерб.

Глаза Ниязбека, цвета кока-колы, ощупывали двор, как противника, с которым предстоит иметь дело на ринге, или машину, которую надо взорвать. Они втыкались в каждую точку пространства, неспешно, как минный шуп в руках опытного сапера, и с одинаковым равнодушием оглядывали и лужу, вытекающую из-под зарезанной овцы, и широкий потек на воротах. Бордовая полоса шла ровно посередине двух вбитых в ворота гвоздей, и вряд ли кто-то распыл на этих гвоздях барана.

– Это справедливое число, Арзо. Я признаю этот долг. Они вернут все до копейки. Но эти люди – мои родичи. Никто не может похвастаться, что он крал моих родичей.

– Из уважения к тебе я освобожу Гамзата, – сказал Арзо, – пусть он собирает деньги. А Гази-Магомед останется в залоге.

– Мне нужны они оба.

– Тогда сам оставайся заложником, – с улыбкой предложил Арзо, – Ты поживешь у меня, а твой шурин пособирает деньги.

– Я заложником не был и не буду, – последовал ответ, – Бывало, что я воровал людей, но чтобы меня воровали, такого не будет. Я даю тебе слово – они вернут деньги.

– Мне трудно будет пристрелить твое слово, – ответил чеченец, – или отрезать ему уши. Эти двое – жадные и подлые люди. И ты это знаешь не хуже меня. Мало ли что пойдет не так? Если тебе нужны оба – уезжай и приезжай с деньгами.

Когда щуплый пленник проснулся на следующий день, он был один, не считая трупа. Гамзат и Гази-Магомед куда-то исчезли, и солнце уже высоко стояло над селом. Где-то вдалеке мычали коровы, мулла кричал призыв к молитве, и около зарешеченного окошечка сидел мальчик лет десяти и наблюдал за русоволосым измученным человеком глазами цвета ежевики.

– Я – Арби, – сказал мальчик, – а ты кто?

– Владислав, – ответил русский.

Приподнявшись на досках, можно было заглянуть во двор: на нем больше не было ни «Гелендевагена», ни «Уралов». Только около ворот сидели два абрека, и солнце посверкивало на их «калашниковых». Арби заметил взгляд сероглазого пленника и сказал:

– Мой отец уехал. А ты будешь здесь, пока за тебя не заплатят.

– А если за меня не заплатят? – спросил Владислав.

– Мой отец не любит русских, – сказал Арби. – То есть резать любит, а так нет. Он очень сердит на них за то, что они со мной сделали.

– А что мы с тобой сделали?

Арби повернулся и пошел к дому, и когда он отошел от окошка, Владислав увидел, что у мальчика нет ног. Он передвигался на маленькой дощечке с колесиками, опираясь о землю руками.

Владислава выволокли из ямы так быстро, что он проснулся уже во дворе. Посреди неба сиял круглый пятак луны, и между лунных теней во дворе лежал часовой. Горло его было перерезано от уха до уха. Другой часовой лежал рядом, и в затылок его упирался автомат.

Двое людей выводили из гаража старую «Ниву». Владислава швырнули на колени, и в свете луны над собой он увидел высокого человека, двигавшегося с плавной грацией рыси. У человека было чисто выбритое лицо, и глаза его были как два куска ночи.

– Где Гамзат и Гази-Магомед? – спросил человек.

В первую секунду Владислав не понял вопроса – настолько жесткий выговор спрашивающего отличался от чеченского акцента, к которому он почти привык за три дня.

– Вы... кто?!

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Их нет здесь. Боевики забрали их с собой.

Высокий незнакомец подхватил Владислава в охапку и бросил на заднее сиденье. Через минуту ему под ноги швырнули седого чеченца. Владислав понял, что это отец Арзо. Один из похитителей прыгнул за руль, и ворота перед «Нивой» медленно поползли вбок.

Они проехали по селу безо всяких препятствий. Шла война, и умудренные опытом соседи зареклись любопытствовать: по какой-то причине среди ночи выезжают машины из дома отца одного из влиятельных полевых командиров.

Машины остановились только в ущелье, в том самом месте, где два дня назад Харон грустил о своей «Волге». Теперь на широкой площадке стояли два серебристых «Лендкрузера», и возле них стояли вооруженные люди. Владислава вытащили из машины и швырнули в «Крузер». Рядом с ним оказался отец Арзо. Ниязбек сел на переднее сиденье, и на руках его был безногий десятилетний мальчик.

Еще через десять минут колеса машин простучали по мосту над рекой. Ниязбек вышел наружу и о чем-то недолго договаривался с солдатами, спустившимися к нему с вышки на блок-посту. После этого машины свернули на обочину, и Ниязбек набрал номер телефона.

– Салам, Арзо, – сказал Ниязбек, – ты помнишь место, где ты менял пленных в прошлый раз? Я жду тебя до рассвета. Когда ты отдашь мне Гамзата и Гази-Магомеда, получишь обратно отца и сына.

Трубка что-то крякнула в ответ.

– Если ты убьешь моих родичей, я дам трубку твоему сыну, – ответил Ниязбек, – и он расскажет тебе, как умер твой отец. Потом он умрет тоже.

Блок-пост, у которого остановился Ниязбек, пользовался дурной славой. Всем, кому надо было выкупить родственников или отыскать продавцов, ехали туда, и днем там было так много машин и посредников, что он походил скорее на рынок, чем на место для обмена.

Но сейчас была ночь, и на блок-посту не было никого, кроме солдат, снайперов Ниязбека и вкопанного в землю танка. Вокруг танка хозяйственный прапор насадил пионы и кабачки.

Арзо Хаджиев приехал через три часа на четырех машинах, высадив собственных снайперов на том берегу реки. Ниязбек и Арзо вышли из машин и встали на виду у засевших в засаде стрелков, собственной жизнью гарантируя правила обмена.

Они стояли так минуты три, и после того, как бойцы Ниязбека усадили братьев в машину, Ниязбек сказал:

– Больше на них никаких долгов нет. Все долги на мне. Если хочешь, пойд и забери. Арзо помолчал.

– Отдай мне русского, – сказал чеченец, – и мы будем в расчете.

– Мы и так в расчете. Если б ты поверил моему слову, ты бы получил долг. Ты сказал: мое слово ничего не стоит. Ничего и получишь.

Тогда Арзо порвался в одном из клапанов «разгрузки» и достал оттуда пластиковый пакет с запечатанным в нем мизинцем.

– Передай от меня русскому, – сказал он.

Спустя три часа машины затормозили у поворота дороги. Только-только светало. Красное распаренное солнце выкатывалось из-за гор, над иссохшей землей вставал утренний дымок, и сверкающая белая дорога, как брошенная на склон веревка, вилась и спускалась к пыльному городу, изогнувшись серпом вдоль залива.

Справа от поворота, за кустами, напоминавшими моток колючей проволоки, стояли какие-то беленькие домики, и на одном из них безвольно обвис российский флаг. Не было ни ветерка, и рассвет пах морем, жарой и свободой.

Ниязбек легко спрыгнул на выжженную траву, и по его знаку за ним выбрались остальные пассажиры.

– Видишь отдел милиции? – показал Ниязбек на домик с флагом. – Иди туда и звони отцу.

– И что сказать? – спросил Владислав.

– Правду скажи. Тебя украли, а ты сбежал.

Гамзат всполошился.

– Ниязбек, он же не солдат! Он какая-то шишка! Он из Центробанка! Отдай его лучше нам. За него много денег дадут!

Ниязбек молча ударил рутульца прикладом в живот, да так, что тот взвыл и улетел в придорожную ежевику.

– Клянусь Аллахом, Гамзат, если ты мне еще посоветуешь, что делать, я не посмотрю, что ты мой шурин. Ты живешь, как трутень, ты берешь деньги и не отдаешь их, ты влипаешь во все дерьмо, которое лежит на дороге, а потом ты скулишь и просишь о помощи. Я призываю в свидетели всех, если ты еще раз влезешь в блудняк, я убью тебя сам! Тебя вытащили из ямы, а ты уже копаешь новую для товарища!

Гамзат таращился из ежевики, и белки его глаз были стеклянными от ненависти и унижения.

– Иди, я сказал, – повернулся Ниязбек к русоволосому и сероглазому пленнику.

– Послушайте, Ниязбек, – сказал Владислав, – вы спасли мне жизнь. Хотя бы скажите, кто вы...

– Я охотник, а ты дичь, – последовал ответ, – Иди, русский. Пока тебя снова не украли.

Было лето, девяносто девятый год и июнь. Владислав сидел с друзьями в одном из лучших ресторанов Москвы, когда сбоку хлопнула дверь. Краем глаза Владислав заметил одетые в камуфляж фигуры. Чья-то крепкая рука опустилась ему на плечо, и голос с легким журчащим акцентом воскликнул:

– Ты посмотри! Да никак это щенок из Центробанка!

Владислав поднял голову и мгновенно узнал Арзо. Чеченец совсем не переменился. На нем были черные брюки и черная водолазка под пиджаком. За ним стояли люди в камуфляже и с оружием.

Чеченец плюхнулся на свободный стул напротив. Он был явно пьян.

– Мы его украли на вокзале в Грозном, – громко, на весь ресторан продолжал чеченец, – вместе с мешками денег. Пять мешков денег. Он у меня сидел с парнем по имени Никита. С этим Никитой забавная история вышла. У меня во дворе была сука, с собачьим именем Машка, а у нее была течка. Я сказал Никите, что отпущу его, если он трахнет сучку. Ну, он ее и трахнул.

Лица людей в камуфляже, сопровождавших Арзо, окаменели.

– А у сучки, когда у нее течка, у нее происходит... Ну, словом, он там застрял. Сцепился и расцепиться не может. Она ему полбока отъела, пока они сцепились.

Арзо расхохотался и стал показывать руками, сколько сука отъела от русского.

– Это кто? – спросил Владислав у Арзо, показывая глазами на людей в камуфляже.

– Это? А это группа «Альфа». Меня охраняют, – сказал чеченец, – берегут, значит, меня. От всяких неприятностей. Слышь, майор, а если бы я тебя украл, ты бы трахнул собаку или нет?

Человек, к которому обращался чеченец, стоял, словно проглотив столб.

Арзо налил себе вина из бутылки, стоявшей перед Панковым, и высоко поднял бокал.

– Выпьем, – сказал Арзо, – за то, что тебе повезло. Я никогда не отпускал русских целыми. Знаешь почему?

– Потому что мы искалечили твоего сына.

– Нет, – сказал Арзо, – не поэтому. Потому что самый страшный ущерб, нанесенный врагу – это не мертвые. Это калеки. Мертвый спит в земле, и его никому не видно. А калека сидит в метро и просит подаяния. Так выпьем за то, русский, что у тебя цел нос и цел член.

Панков судорожно сглотнул. Чеченец пьяно засмеялся и опустил голову на стол.

Два «альфовца» подняли его под мышки и аккуратно потащили к выходу. Майор по-прежнему стоял, не шевелясь, и только руки его мяти случайно подвернувшуюся на столе вилку.

– Почему вы его не пристрелите? – вдруг дрожащим голосом спросил Владислав.

– Приказа нет, – ответил майор.

Глава первая

Назначение

Был конец июня. В Гайд-парке белым и красным цвели рододендроны, на Пикадилли в пробке стояли похожие на божьих коровок такси, и в хилтонском «Нобу», в самом дальнем углу, у стеклянного окна, обедали два человека: замглавы администрации президента Российской Федерации Владислав Панков и его старый друг Игорь Маликов, представитель России при Всемирном Банке.

Они познакомились давно, еще лет десять назад, когда Маликов был депутатом Госдумы, но близко сошлись уже в Вашингтоне.

После страшной чеченской истории Владислав провел полгода в австрийской клинике. А потом отец услал Панкова в США, на ту же должность, которую сейчас занимал Маликов. Игорь был его заместителем.

Он-то первый и заметил, что с начальником творится неладное. Тот приходил на работу со странно блестящими глазами, хихикал на совещаниях, впадал в бессмысленную ярость, и один раз Игорь застал Панкова в кабинете совершенно голым. Тот сидел на подоконнике и ел апельсин вместе с кожурой.

Маликов быстро понял, что его начальник колется. Однако вместо того, чтобы поступить как всякий карьерный советский чиновник: то есть сдать босса особистам, Маликов сделал иначе. Он договорился с одним из своих знакомых, и они вместе отвезли Панкова в роскошный особняк в Мэриленде.

Там он заставил босса написать заявление об отпуске и приковал его наручниками к кровати. «Будешь под себя ходить, пока не вылечишься», – сказал Маликов. Через два дня Панкову удалось добраться до телефона. На счастье Маликова, он позвонил не в полицию, а своему пушеру. Маликов встретил пушера на пороге дома и избил до потери сознания.

Игорь и нанятый им частный врач провели с Панковым два месяца. Он был единственный человек, который знал всю историю Владислава. Он слышал, как тот кричал во сне: «Нет, Арзо! Нет!», и он никогда не говорил с Панковым о Кавказе.

Только за два месяца до возвращения в Россию Панков случайно узнал, что настоящее имя Игоря – Ибрагим, и что он родился в горах в восьмидесяти километрах от того села, где держали в подвале Панкова. И что фамилия его, которую Панков всегда произносил как Маликов, на самом деле произносится с ударением на втором слоге – Маликов, потому что происходит не от русского слова «маленький», а от арабского слова «царь».

Разговор между двумя высокопоставленными чиновниками был дружеский и пустой. Они уже покончили с маринованной треской и мягким крабом, и на столе второй раз опустела бутылочка с сакэ, когда Панков сказал:

– Я бы хотел предложить тебе новый пост.

– В администрации президента?

– Нет. Я ухожу из администрации. Завтра я буду назначен полномочным представителем президента по Кавказскому Федеральному округу. Я предлагаю тебе пост президента республики Северная Авария-Дарго.

Игорь молчал несколько секунд.

– Я думал, ты не знаешь, что я аварец.

– Я смотрел твое личное дело.

– Я не могу принять этого предложения, – сказал он.

– Почему?

– Сколько времени ты провел тогда на Кавказе, Слава?

– Три дня.

– А сколько лечился?

– Год, если считать с Вашингтоном.

Игорь невесело усмехнулся, и под мягкими, удивительно беззащитными губами прорезалась жесткая вертикальная складка.

– Я провел там не три дня, а семнадцать лет. Когда мне было одиннадцать, мой дядя убил свою сестру. У нее был роман с каким-то парнем, и мой дядя совершил очень разумный поступок. «Как можно, – сказал он, – у меня дочка растет, как я ее выдам замуж? Все скажут, что у нее тетка гулящая». Все сочли, что дядя поступил как настоящий мужчина. Когда мне было шестнадцать, моего дядю застрелил тот парень, у которого был роман с моей тетей. А однажды, когда мне было тридцать два, и я уже был депутатом Госдумы, ко мне приехал мой младший брат. Он обнял меня и стал просить, чтобы я немедленно, тут же, сию минуту, ехал с ним на день рождения к одному человеку. Мы поехали на его машине, и так как времена были беспокойные, то нас все время останавливали менты. Я показывал свою депутатскую корочку, и мы ехали дальше. Мы приехали на Рублевку и заехали в лес. Я спросил – «а где день рождения?», и мне сказали – «дальше». Потом мы доехали до поляны, и машина остановилась. Мой брат открыл багажник и начал выгружать из него оружие. Весь чертов багажник был набит оружием. Ему нужна была моя корочка, чтобы провезти его через всю Москву. А потом меня пересадили в другую машину, и мой брат спросил меня, в каком ресторане я хочу отужинать. Я европеец, Слава. Я потратил двадцать лет жизни, чтобы перестать думать в терминах, кто кому приходится тестем и сколько надо заплатить за должность.

– Собственно, я поэтому и хочу видеть тебя президентом республики. Потому что ты не думаешь в терминах, кто кому приходится тестем.

– Я не хочу обратно в зоопарк.

Панков помолчал.

– Последние несколько дней... я изучал обстановку на Кавказе. Я знал, что это плохо. Но я не знал, до какой степени это плохо. И я знаю одно: если этим зоопарком будут руководить шакалы, то скоро Кавказ отвалится от России.

– А если зоопарк возглавлю я, меня убьют.

– Постой, но ты...

– Нет. И ни при каких обстоятельствах нет. Я лучше попрошу политического убежища в Уганде.

Панков вздохнул.

– Хорошо. Ты можешь по крайней мере сделать мне одолжение? Ты можешь прилететь в республику? Просто помочь советом?

– Подсказать, кто чей тесть?

Панков кивнул.

– Хорошо. Я прилечу.

Они уже прощались у дверей отеля, куда их доставила длинный черный «Мерседес» посольства, когда Игорь внезапно сказал:

– Есть еще одна причина, по которой я никогда не смогу принять твое предложение.

– В чем дело?

– Та старая история, когда тебя украли. Тебя освободил парень по имени Ниязбек.

– Да. Отец пытался его отыскать. Потом, через полгода. Его убили. В какой-то перестрелке.

– Его не убили, – сказал Игорь. – Его зовут Ниязбек Маликов. И это мой младший брат.

Министр строительства республики Северная Авария-Дарго Магомедсалих Салимханов бил вице-спикера республиканского ЗАКСа Салаудина Баматова.

Ведущие спортивные каналы наверняка бы с удовольствием показали этот поединок, потому что министр строительства был двукратным чемпионом мира по ушу-саньда, а вице-спикер парламента – трехкратным чемпионом мира по пятиборью.

Надобно сказать, что у спортивных каналов были большие шансы заполучить эту запись, потому что министр бил вице-спикера на площади перед Домом Правительства республики, и это захватывающее зрелище снимали не меньше трех телекамер, присланных на экономический форум. Кроме телекамер, за поединком наблюдали охранники дерущихся, два десятка депутатов, министр МВД и двухметровая бронзовая статуя президента Асланова, установленная посередине площади.

Министр сделал обманный финт, имитируя подсечку, вице-спикер отшатнулся и получил той же ногой по ребру. Потом министр развернулся и в безукоризненном ударе с разворота влепил вице-спикеру пяткой по виску.

Вице-спикер рухнул на гранитные плиты, окольцовывавшие памятник. Министр подскочил к нему, схватил за галстук и начал душить. И в этот момент кольцо обступивших их депутатов разорвалось, и к постаменту выскочил русский чиновник лет тридцати пяти, в черном костюме с белой манишкой и бордовой каплей двухсотдолларового галстука. Чиновник был бел лицом и рус волосом, и серые его глаза казались еще больше из-за толстых линз черепаховых очков.

– Немедленно прекратите! – потребовал очкарик.

Министр строительства удивленно выпрямился. Он был выше незваного гостя на добрую голову и сложением напоминал ожившую статую Микеланджело, причем не Давида, а Голиафа.

– А ты кто? – сказал удивленный министр.

– Я ваш новый полпред, – заявил русоволосый чиновник.

В это время вице-спикер ЗАКСа приподнялся с земли и, увидев, что внимание его противника отвлечено, бросился бежать.

– Убью, как собаку! – вскричал Магомедсалих и ринулся следом.

Один из охранников Салаудина Баматова попытался заступить ему дорогу. Грохнул выстрел, и охранник повалился на землю с простреленным плечом.

Вице-спикер парламента перемахнул через кованую решетку, отгораживавшую площадь от разбитого справа парка, и припустил по широкой дубовой аллее, засыпанной желтым песочком. Министр гнался за ним. Когда представитель исполнительной ветви власти убедился, что ветвь законодательная бежит слишком быстро, он заорал:

– Бегун паршивый! – поднял серебристую «беретту» и начал стрелять. Вице-спикер парламента петлял между деревьев, как заяц. Чувствовалось, что во времена недавнего спортивного прошлого он отлично брал препятствия.

Когда вице-спикер исчез за деревьями, Магомедсалих Салимханов пожал плечами, посмотрел на «беретту», в которой еще оставалась пара патронов, и на всякий случай выпустил их в телекамеру, снимавшую открытие экономического форума. Магомедсалих был деликатный человек и телекамеры его смущали.

Тут-то к нему снова подоспел Панков.

– Вы что себе позволяете! – заорал он, – арестовать его! Немедленно!

Гости форума переминались с ноги на ногу.

– А за что? – уточнил объявившийся тут же министр внутренних дел.

Панков возмущенно ткнул пальцем в злополучную «беретту».

– Как за что? – сказал он, – тут у вас инвестиционный форум или стендовая стрельба? Здесь предполагалась серьезная экономическая дискуссия!

– А я что сделал? – спросил министр строительства. – Эта сука нам на тридцать процентов бюджет урезала!

– Задержать его, – распорядился полпред. И, взглянув на министра МВД, добавил:

– Вы, Ариф Абусович, лично отвечаете. Понятно?

Министр сокрушенно кивнул.

– Понятно, – сказал он, – пошли, Мага.

Вечером все центральные телевизионные каналы рассказали об успехах экономического форума, состоявшегося на северном побережье Каспия в городе Торби-кала. Корреспондент первого канала показал синхрон полпреда, который сказал об улучшении инвестиционного климата на Северном Кавказе, и отметил, не вдаваясь в подробности, что наиболее яркая дискуссия на форуме разгорелась между вице-спикером парламента республики и министром строительства.

Экономический форум должен был открыться в одиннадцать часов, но незапланированная дискуссия между двумя высокими чиновниками отсрочила начало на сорок минут.

Владислав Панков сидел в президиуме экономического форума. По правую руку от него сидел президент республики Ахмеднаби Асланов, а по левую, – сэр Джеффри Олмерс, старый приятель Панкова и глава одной из крупнейших нефтехимических корпораций мира. Панков заманил Олмерса на форум, разъяснив, что легкая прибрежная нефть и уникальное морское положение Торби-калы создают здесь идеальное место для строительства новейшего нефтеперерабатывающего завода.

Президенту республики было немногим за шестьдесят, и он выглядел еще моложе. Подтянутый, седоволосый, представительный, с бронзой в голосе и сталью в глазах, он держался с достоинством, которое свойственно только диктаторам и дворецким.

Президент республики представил присутствующим нового полпреда по Кавказскому федеральному округу и выразил уверенность, что тот поможет республике побороть нищету, терроризм, чинопочитание и лесть.

– Всю прошлую неделю, – сказал президент, – лил дождь, а с вашим прилетом над республикой взойшло солнце. Это солнце – вы, Владислав Авдеевич!

Часов в двенадцать Панков отлучился в туалет и на входе в зал встретил невысокого полноватого кумыка с черными глазами, веселыми и живыми, как весенние грачи.

– Арсен Исалмагомедов, – представился он, – Я буквально на минутку, Владислав Авдеевич. Я по поводу министерства строительства.

– Что такое?

– Я так понимаю, что это место теперь свободно. Я вам хочу сказать, что мой брат всю жизнь хотел заняться строительством. И если бы этот вопрос мы могли обсудить попозже, на банкете...

Панков молча отвернулся и прошел в зал.

В президиуме за это время произошли некоторые изменения. Президент республики уехал куда-то на час, и место его было занято коренастым мужчиной лет пятидесяти, с широкоскулым смуглым лицом, странно контрастировавшем с ярко-синими глазами.

– Шарапудин Атаев, – шепотом представился человек, – мэр Торби-калы. – Помолчал и, наклонившись, прошептал на ухо. – Вы совершили мужественный поступок. Это насчет Магомедсалиха. Это ж черт знает что! Вы знаете, скольких он убил? У него чеченцы – кровники. Прокурор Правобережного района – тоже кровник. Но вы сильно рискуете, он же не посмотрит, что вы полпред. Вам нужна поддержка. Если бы вы назначили моего сына министром строительства...

– То? – спросил Панков.

– Миллион, – сказал Шарапудин Атаев.

За время пятиминутного перерыва, который сделали между выступлениями, Панков получил еще две просьбы насчет поста министра. Обе просьбы сопровождались конкретными цифрами.

Но самая большая неприятность поджидала Панкова в пять вечера, когда форум подошел к концу, и президент Асланов снова занял свое место на трибуне.

– Я, пожалуй, поеду, – сказал шепотом сэр Джеффри Олмерс, собирая со стола бумаги.

– Но погодите! Мы еще собирались осмотреть стройплощадку...

– Я передумал, – сказал глава крупнейшего мирового нефтехимического концерна, – и вообще вместо завода вам лучше построить что-нибудь такое... по профилю. Шапито, что ли.

Президент республики объявил форум закрытым, и, улыбаясь, подошел к столу президиума. Вокруг русоволосого москвича уже толпился народ.

– Ну, Владислав Авдеевич, – сказал он, – с почином вас! Мы славно потрудились, теперь неплохо и отдохнуть. Я тут распорядился насчет неформального продолжения... Рыбка у нас, должен сказать, исключительная. Вы, наверное, проголодались...

– Очень, – сказал Панков, – где у вас тут столовая?

Председатель правительства республики Северная Авария-Дарго приехал в бывший загородный санаторий ЦК КПСС, где остановился Панков, в восемь часов утра. Между ним и полпредом произошел получасовой разговор, в ходе которого председатель правительства выразил надежду на то, что новый полпред покончит с терроризмом, бедностью и коррупцией, а также внес конкретное предложение по улучшению работы правительства. Он предложил разбить министерство строительства на три. Одно, которое будет строить школы и бюджетные учреждения. Другое, которое будет строить промышленные объекты в рамках федеральных инвестиционных программ. И третье, которое будет отдельно заниматься сельским строительством. По словам председателя правительства, это надо было сделать для уменьшения коррупции. Чтобы над каждым министром было больше контроля и он не вел себя, как рэкетиры.

– Да, и самое приятное, – сказал председатель правительства, – я хочу, от имени всего нашего народа, и лично президента республики, поздравить вас, Владислав Авдеевич, с днем рождения, и...

– У меня сегодня не день рождения, – сказал Панков.

Председатель правительства озадачился.

– Как не день рождения, – сказал он, – вон мы и подарок вам приготовили!

– Какой подарок?

Председатель правительства махнул рукой. Панков подошел к окну и увидел, что на асфальтированном пятачке возле флигеля стоит роскошный бронированный «Мерседес». «Мерседес» был перевязан розовой ленточкой, и начальник охраны полпреда, Сергей Пискунов, принюхивался к капоту, как кот к банке с «Вискасом».

– Сергей, – позвал Панков, – сколько эта штука стоит?

– Четыреста двадцать тысяч долларов, – без колебаний поставил диагноз Пискунов.

– В республике есть детские дома?

– Да.

– Продай и отдай деньги в детский дом. И запомните, Сайгид Ибрагимович, у меня сегодня нет дня рождения. Передайте это всем.

Председатель правительства выехал из санатория совсем обескураженный.

– Странно, – сказал он, – когда к нам приезжал генпрокурор, у него сразу был день рождения. А предыдущий полпред вообще справлял день рождения раз в месяц.

Президент республики Ахмеднаби Асланов очень удивился, когда услышал, как полпред президента распорядился подарком, врученным от имени премьера.

– Может, он предпочитает джипы? – спросил президент республики, – а мы ему подарили седан.

Его сын возразил:

– Как можно дарить человеку бронированный джип? Бронированным должен быть седан, это каждому ребенку известно. Потому что когда взрывают, взрывная волна идет вверх.

Сына Ахмеднаби Асланова взрывали три раза, и он считал себя экспертом в данном вопросе.

– Он же русский человек и не понимает совсем простых вещей, – ответил второй сын, – но если он будет настаивать на джипе, надо подарить ему джип.

Владислав Панков сел в машину в девять утра. От него приятно пахло дорогим одеколоном, и он почти десять минут провел перед зеркалом, подбирая и завязывая галстук. Обычно этим занималась жена, но она отдыхала в Сан-Тропе, а Панков любил, чтобы его галстук безупречно сочетался с костюмом. Машина плавно тронулась, и Панков набрал номер.

– Игорь, – спросил он, – это Слава. Я тут увольняю министра строительства. Он в чело- века стрелял на моих глазах. Мне предлагают из этого министерства сделать не одно, а три. Это почему?

– Потому что три человека принесли президенту республики деньги за должность.

– Председатель правительства имеет какое-то отношение к президенту?

– Он женат на его племяннице.

– Твою мать! Ты когда будешь?

– В пятницу.

Спустя пять минут после этого разговора распечатка его лежала перед президентом республики и двумя его сыновьями.

– Так вот почему он не взял машину! – сказал младший сын президента.

– Он хочет назначить его главой республики! – вскричал старший.

Руководитель республики Северная Авария-Дарго Ахмеднаби Асланов ждал Владислава Панкова в резиденции его предшественника. Резиденция располагалась в роскошном особняке на берегу моря.

Пол особняка был выложен мрамором, и каждый сортир в каждой ванной был позолочен. Всего позолоченных сортиров насчитывалось семнадцать штук.

Предыдущий полпред в прошлом командовал объединенной группировкой сил в Чечне и прославился тем, что в 99-м отразил чеченское вторжение на земли республики Северная Авария-Дарго. Этот выдающийся военный подвиг полпред совершил, не принимая вертикального положения и не отливая от соски с дорогим аварским коньяком.

История резиденции была примечательной.

По приезде в республику предыдущий полпред обнаружил, что подысканное федералами жилье не соответствует его статусу, и поделился этой бедой с сыном президента. Полпред полагал, что сын президента подарит ему один из своих особняков на берегу моря. Однако сын президента поступил по-другому. В тот же день он посадил полпреда в свою машину, и они вместе объехали добрую дюжину домов. Особняк, на котором в конце концов остановился полпред, принадлежал министру сельского хозяйства.

После этого сын президента предложил министру продать особняк за пятьдесят тысяч долларов. «Мне хорошему человеку подарок сделать надо», – объяснил сын президента. Министр возмутился и попросил миллион. Так они торговались, пока министра не взорвали какие-то ваххабиты, и после этого осиротевшая семья быстро продала особняк.

Особняк подарили полпреду, и он ему так понравился, что тот никогда из него не выезжал и все официальные встречи проводил в своей резиденции.

Президент Асланов уже сидел в летней столовой. Седоволосый, безупречно одетый, подтянутый, он скорее напоминал английского лорда, чем бывшего секретаря ЦК компартии, вернувшегося во власть в послеперестроечные времена. Вообще-то президентов Аслановых, как мы уже упоминали, в республике было два.

В одном был один метр и семьдесят пять сантиметров, он весил сто десять килограмм и в настоящий момент ожидал полпреда за легким завтраком из двадцати восьми блюд. В другом было два метра восемьдесят сантиметров, он весил около трех центнеров, и стоял на двухметровом гранитном постаменте перед Домом Правительства, приветствуя взмахом руки синий Каспий и народ, поднимающийся по лестнице с набережной.

Один был весельчак, балагур, и обожал своих троих детей и семерых внуков; другой никогда не отлучался с места работы и указывал путь в светлое будущее.

Это был не единственный памятник Асланову в республике. Въезд в город с Бакинского шоссе, сразу за блок-постом, был украшен белым мраморным памятником известному просветителю черкесов, лезгин и аварцев Сапарчи Асланову. На набережной возле мэрии стоял памятник Аслудину Асланову, бывшему до 1937 года первым секретарем компартии республики, а возле Драматического Театра им. Гази-Магомеда Асланова стоял памятник этому самому Гази-Магомеду, состоявшему главным режиссером театра с 1961 по 1965 годы.

Но самым интересным был памятник человеку по имени Рамзан Асланов. Тридцатидвухлетний Рамзан до войны был в колхозе чернорабочим, и до девяносто седьмого года о нем не было известно ничего, кроме того, что он погиб в 1943 под Сталинградом. Вскоре после того, как Ахмеднаби Асланов избрали президентом, в одной из газет Торби-калы появился очерк, рассказывавший о героическом подвиге его двоюродного деда, в одиночку подбившего фашистский танк. Спустя месяц другой очерк уточнил, что танков было два, а еще через три месяца газета «Сердце Дарго» обнаружила, что их было четыре. Точку в споре поставил три года назад известный в республике историк и депутат Мухтар Мееркулов. Он опубликовал в научном журнале статью, из которой следовало, что танков было восемь. После этого герою войны Рамзану Асланову поставили шестиметровый гранитный памятник на склоне Торби-Тау, а Мухтар Мееркулов стал вице-спикером парламента.

Распахнулась дверь, и в столовую стремительно вошел русоволосый и сероглазый полпред. Президент республики про себя отметил, что москвич передвигается чуть не вприпрыжку, не так, как высокопоставленный чиновник, а скорее как котенок, гонящийся за клубком. Ахмеднаби Асланов с достоинством поднялся из кресла, расцеловал его и обнял, по восточному обычаю.

– Вы не представляете, – сказал президент республики, – как я рад вашему приезду. Потому что в республике творится беспредел! В республике наступает ваххабизм! По улицам открыто ездят террористы, каждую неделю кого-то взрывают! У нас взрывают чаще, чем в Чечне, и кто их может остановить? Только федералы! А что делает армия? Бездействует. А что делал прежний полпред? Пил. Ящиками пил, доложу вам! Ящиками!

Президент республики несколько не преувеличивал. Каждый день ко двору прежнего полпреда доставлялся ящик коньяка, изготовленного на государственном предприятии «Торкон». Предприятие возглавлял племянник президента.

– Вот вы решились арестовать Магомедсалиха Салимханова. Вы его арестовали за то, что он бил вице-спикера перед телекамерами. А вы знаете, что этот человек участвовал в нападении на федеральный блок-пост? И при этом находился в машине всем известного боевика?

– Это когда было? – изумился Панков.

– Две недели назад. Вот представьте: через блок-пост федеральных сил на границе с Чечней проезжает вооруженный кортеж. Три машины, десять человек, пятнадцать стволов. В машине сидит главный террорист республики. Этот человек неоднократно объявлялся в розыск. Этот человек подозревается в десятках убийств. Капитан МВД останавливает кортеж террориста, и террорист в машине дает ему деньги, чтобы тот от него отстал. Капитан боится перестрелки, потому что у него людей столько же, сколько в кортеже, и он берет эти деньги, но звонит на следующий пост, чтобы там остановили этот кортеж.

И что вы думаете? Кортеж проезжает второй пост! А потом он разворачивается и возвращается на первый! Они разоружают милиционеров! Они отбирают у них всю дневную выручку! Они загоняют их в будку и говорят: «Мы вас, доносчиков, сожжем!» И этот человек, вместе с Магомедсалихом, они бьют капитана милиции, они ломают ему ребра и говорят: «Напишешь заявление – убьем!»

– А почему, в самом деле, они не убили милиционеров? – удивился полпред.

– Сегодня не убили, завтра убьют! – ответил президент. Этот человек, у него не руки, у него зубы по корень в крови! Он торгует людьми вместе с чеченскими боевиками. Он однажды украл моих сыновей!

– Когда?!

– Девять лет назад. Я тогда еще не был президентом республики, а мои сыновья были успешные бизнесмены. Очень успешные, совершенно без всякой помощи с моей стороны. И этот человек постоянно их терроризировал, постоянно вымогал деньги! Он мог ночью в три часа с автоматчиками зайти, он моих сыновей из постели выстрелами выгонял! И он постоянно говорил: «где деньги!», «где деньги!». Но так как они были честные коммерсанты, они отказывались платить, и тогда их украли. Их украл чеченец, Арзо Хаджиев, и потребовал от моих сыновей семь миллионов долларов!

– А при чем тут первый бандит?

– А при том, что Арзо был с ним в сговоре, и этот бандит, он якобы освободил моих сыновей! Это такая разводка. После которой они уже должны ему, а не чеченцам!

Полпред помолчал.

– А как зовут ваших сыновей? – спросил он.

– Да я вас познакомлю, – горячо воскликнул президент, и сделал знак начальнику охраны.

Через мгновение дверь в зал распахнулась, и на пороге появились сыновья президента. Младшему было около тридцати пяти. Несмотря на жару, он был в светло-бежевом пиджаке и при жемчужном галстуке. Его маленькая голова начала лысеть со лба, обнажая ранние морщины и торчащие кверху уши, и его беспокойные глаза бегали из стороны в сторону, как куры возле зерна. Костюм на старшем сыне был синий в полоску. С тех пор, как Панков видел его последний раз, он совсем растолстел и двигался с шумной одышкой, то и дело утирая пот со лба. Взгляд крупных глаз, сидевших по обе стороны набрякшего вишневого носа, стал еще более туманным; пальцы его были такие пухлые, что он не мог сжать руку в кулак.

– Гамзат, – представил президент младшего, – председатель совета директоров «Аварского национального банка», верите ли, лопаются банки один за другим! Вот, пришлось сына ставить, а то пропадают бюджетные деньги! А он и так загружен выше головы – депутат ЗАКСа, глава федерации конного спорта, да что там! Глава моей личной охраны!

Главный банкир и главный охранник республики по-европейски протянул Панкову холодную руку с узкими маленькими пальцами.

– Гази-Магомед, – представил президент старшего, – генеральный директор «Аварнефтегаза». Черт знает что творится в республике, повсюду «самовары»¹ стоят, вот, поставил человека, которому доверяю. Будем жечь и бить! Сажать и жечь! Слава богу, прошли времена, когда всякий бандит с пистолетом мог рэкетировать моих сыновей!

– А как зовут бандита?

– Ниязбек, – ответил президент.

– Черный человек, – добавил Гамзат, – террорист!

– А жена ваша как поживает? – спросил Панков Гамзата.

Тот даже вздрогнул.

– Какая жена?

– Сестра этого террориста. Помнишь, когда ты сказал, что меня надо украсть, а он ударил тебя и велел заткнуться? Он тогда называл тебя шурином.

Узкое лицо Гамзата стало цвета сырой картофелины. Президент республики посмотрел на своих сыновей и еще больше стал похож на бронзовый памятник.

Панков резко встал и вышел из гостиной.

Утро пятницы началось с расширенного заседания парламента республики. Панков сидел по правую руку от спикера и слушал, как глава МВД отчитывается об успехах в борьбе с терроризмом.

Успехи, несомненно, были. Вчера ночью прошла успешная операция. В горах спецназ МВД окружил группу боевиков известного террориста Вахи Арсаева, и в течение пяти часов обстреливал ее из легкого стрелкового оружия и гранатометов. На месте боя было найдено два трупа, один из которых предположительно принадлежал Арсаеву, и министр внутренних дел с гордостью отчитался о полном уничтожении банды.

Панков слушал его вполуха: за последние семь месяцев Арсаева убивали уже раз восемь. Его уничтожали с той же регулярностью, с которой меняют масло при техосмотре.

Вообще Панкова, как экономиста по образованию, чрезвычайно занимал один вопрос. Республика добывала в год миллион тонн отличной легкой нефти, и по крайней мере половину добычи вывозили на бензовозах.

Сколь мог судить Панков по лежащей перед ним сводке, за последние полгода в республике не сгорел ни один бензовоз. Горели милицейские «Газики», горели казармы, на прошлой неделе кто-то облил бензином и поджег здание прокуратуры Шугинского района (при этом сгорело пятьдесят уголовных дел, и происшествие тоже фигурировало в сводке как акт терроризма), – но бензовозы ездили по республике, как по штату Канзас.

Если бы Панков был террористом, он бы жег бензовозы, а не ментов, и его чрезвычайно занимало, почему Арсаев этого не делает.

Владислав Панков сидел в президиуме, слушал докладчика и время от времени поглядывал на часы. Было час сорок, рейс «Москва-Торби-кала» должен был сесть вот-вот, и личный кортеж полпреда уже ждал Игоря Маликова в аэропорту.

Рейсовый самолет из Москвы с Игорем Маликовым на борту приземлился по расписанию, и когда Игорь шагнул на трап, он увидел внизу черный бронированный «Мерс» с федеральными номерами.

Игорь Маликов спустился на белую сковородку аэродрома. Между стыков бетонных плит топорщились белесые колючки, и прямо за ними стояла нефтяная качалка. Под качалкой бродил толстый красный индюк. За индюком бежала женщина в желтом бесформенном платье и белом платке. Солнце било прямой наводкой, и выцветшая гладь моря вдали переходила в

выцветшие вершины безлесных гор. На секунду Маликову показалось, что так выглядит ад, но потом он вспомнил, что это его родина.

– Салам алейкум, Ибрагим! Говорят, ты будешь президентом!

Игорь оглянулся. За ним, у самого трапа самолета, уже скопилась небольшая очередь из чиновников и бизнесменов, и они мешали спуститься из салона одетым в черное женщинам с баулами за спиной. Все из них поздравили Игоря еще во время полета, кто не успел, подходил сейчас.

– Ибрагим Адиевич, – с чувством сказал министр связи, – вы не представляете себе обстановку в республике...

Охрана полпреда вежливо, но твердо отсекала Игоря от просителей. Он нырнул в прохладное нутро бронированного «Мерседеса», и в барабанные перепонки ударил азан: на частоте 105,2 самое популярное радио республики возвещало о времени дневного намаза.

Рустам сидел в «Жигулях» возле железнодорожного переезда, когда его телефон коротко прозвонил. «Понял», – сказал Рустам, и вышел из машины.

Переезд, а точнее – железнодорожная колея, пересекавшая шоссе и ведущая к нефтеналивным терминалам, – всегда считался удобным местом.

Во-первых, машины на переезде неизбежно снижали скорость. Во-вторых, забор морского порта начинался буквально в пяти метрах от переезда и служил идеальным укрытием для стрелка. С этой точки уже стреляли раз пять, и в Торби-кале шутили, что перед переездом пора поставить знак: «Осторожно, киллеры!»

На этот раз все было проще. Рустаму даже не надо было стрелять. Он лег на растрескавшуюся от зноя почву и нащупал ведущий к стандартному армейскому детонатору провод. За плечом у Рустама висел автомат, но сейчас автомат был не нужен. Автомат мог понадобиться потом.

Солнце било по шоссе прямой наводкой; далеко в море плыла белая лодка, и из раскрытых окон «жигулей», стоявших под стеной, метрах в пяти справа от Рустама, радио возвестило о времени дневного намаза. Рустам нахмурился. Это был большой грех – пропускать в пятницу время молитвы.

Машины показались спустя пять минут. Их было две. Одна – бронированный «Мерс» черного цвета, другая – серебристый «Лендкрузер» сопровождения.

Когда первая машина замедлила ход на переезде, Рустам нажал на кнопку.

Министр МВД уже завершал доклад, когда за открытым окном что-то далеко ухнуло, и с потолка упало несколько белых чешуек.

Панков завертел головой. Спикер парламента Хамид Абдулхамидов, сидевший по правую руку от него в президиуме, обеспокоился и вышел. Он вернулся через минуту и положил на трибуну докладчику белый листок.

Министр МВД ознакомился с запиской, глубоко откашлялся и доложил:

– Товарищи! Как я уже сказал, наше министерство добилось решительных успехов в борьбе с терроризмом! За истекший период задержано сто сорок пять участников незаконных вооруженных формирований. Изъято двести килограммов подрывной литературы. Тем самым предотвращено не меньше ста сорока терактов! Но враг не дремлет! Только что террористами, сеющими кровь и ненависть в нашей республике, совершено новое злодеяние! Среди бела дня, на Бакинском шоссе, на дороге из аэропорта, ими подорван заряд взрывчатки, уничтоживший пять проезжавших машин!

Возле трассы в аэропорт, на перекрестке проспектов Ленина и Шамиля, стояла новая мечеть на пять тысяч человек, и, как всегда по пятницам, она была полна народу. В метре от входа молился высокий человек в синих джинсах и белой рубашке с длинными рукавами.

Взрыв раздался в трех километрах от мечети, и многие выбежали наружу, но человек даже не повернул головы. Спустя минуту к нему подошел его друг по имени Джаватхан и сказал:

– Твоего брата убили.

Человек продолжал молиться.

– Твоего брата убили, – повторил Джаватхан.

Тогда, между ракатами, человек повернул голову и сказал:

– Но ведь Аллах жив.

И продолжил намаз.

Когда полпред приехал на место взрыва, вонь от сгоревшей стали и плоти еще висела над дорогой. С обеих сторон шоссе скопилась немерянная пробка, и министр внутренних дел республики, трясаясь от усердия, доложил полпреду, что машину террористов нашли, брошенную, возле старой мечети. Ее тоже подожгли.

Владислав Панков пробежал вперед.

Взрывная волна взрезала бронированный «Мерс» пополам, как консервную банку, и отшвырнула две половинки друг от друга. Обугленный людской мусор вылетел из машины вместе с сиденьями и двигателем. Игорь Маликов был высокий человек, почти два метра ростом. От него осталась метровая головешка. Она лежала поперек асфальта, как большая черная кукла, и Панков не мог понять, лежит она затылком вверх или вниз.

Переезд был перерезан трехметровой воронкой, и чуть дальше догорали «Лендкрузер» охраны и какой-то беленький «Москвич». Возле джипа валялись горки камуфляжа.

Панков опустился на колени перед трупом и увидел, что Маликов умер не только от ожогов: порванный взрывом кусок броневое листа рассек ему шею и до сих пор торчал из раны.

Прошла целая вечность, прежде чем русоволосый москвич поднял голову. Машина охраны уже догорела, и солнце передвинулось чуть ближе к морю. За спиной Владислава стоял человек в синих джинсах и белой длинной рубахе. На боку его висел автомат на широкой брезентовой ленте, перекинутой через плечо, как сумка почтальона. Панков смотрел на него снизу вверх, и оттого человек казался очень высоким, еще выше, чем девять лет назад. Сильные пальцы с белыми лунками ногтей небрежно придерживали магазин автомата, из-под длинной, несмотря на жару, рубашки на запястье сверкнули дорогие часы. У него было правильное лицо с густыми черными бровями и плоским, словно бы перебитым носом, и на гладко выбритой коже выделялись полные влажные губы. Лицо его стало не старше, а скорее грубее и жестче, и на шее, чуть ниже крепкого, как капкан, подбородка, появился длинный шрам, нырявший под ворот рубашки.

Вокруг стояла звенящая тишина, и все сотрудники органов, набившиеся на теракт, отошли на два метра от трупа, полпреда, и человека с автоматом.

– Ты хотел назначить его президентом? – спросил Ниязбек.

Его горский выговор ничуть не смягчился: он вбивал согласные друг в друга, как молотком.

– Нет.

– Вся республика знала, что он твой друг. Вся республика знала, что ты написал представление. Об этом сплетничали даже овцы в горах.

– Он отказался. Категорически.

Ниязбек смотрел русскому прямо в глаза, и Владислав сделал удивительное открытие. Они были такого же цвета, как глаза Арзо. Не совсем черные: скорее темно-коричневые, как камень оникс, и где-то в глубине этих глаз, как в километровой толще океана, посверкивали красные искры.

– Ты убил его, – сказал Ниязбек, – я спас твою шкуру, а ты убил его не меньше, чем те, которые заплатили киллеру. Жаль, что ты не пополнил гербарий Арзо.

Повернулся и пошел прочь.

Ибрагима Маликова хоронили в горах, рядом с отцом и дедом: так распорядился Ниязбек. Тело увезли сразу. По мусульманскому обычаю его надо было похоронить до захода солнца, а до села было сто двадцать километров скверной горной дороги.

После короткой перебранки со службой охраны Панков прилетел в село на вертолете. Единственная улица была забита автомобилями, и по дороге вилась настоящая пробка. Ибрагим не был в республике двадцать лет, и, видимо, дело было не столько в нем, сколько в его младшем брате.

К удивлению полпреда, ни одна из машин, которых он видел, не была бронированной. Уже потом ему объяснили, что в горах на броне ездить почти невозможно. Почти все влиятельные люди республики, отправляясь в горы, отъезжали на своих бронированных лимузинах километров на пятьдесят, а потом пересаживались на джипы. Панков прикинул, что было бы, если бы Маликова хоронили в городе, и понял, что дело вполне могло кончиться беспорядками.

Вместе с другими мужчинами Панков поднялся на кладбище и стоял там, неловко спрятав руки, пока другие прощались с покойником под арабскую скороговорку имама. Разглядывая могилы, Панков невольно заметил, что на надгробиях нет фамилий. Только отчества. С кладбища, расположенного сверху села, были видны вершины соседних гор и столы на площади у мечети.

Уже потом Панкову сказали, что пока он был на кладбище, к селу подъехал кортеж с президентом республики. К президенту вышел Ниязбек со своими людьми и велел ему ехать обратно. «Клянусь Аллахом, это не я», – сказал президент, и Ниязбек ответил: «Уезжай, или я буду стрелять». Президент уехал.

После кладбища Панков пошел в дом Маликовых. Дом стоял на отшибе: новый, каменный, с оградой, похожей на стену крепости и с неожиданно скромным двухэтажным особняком внутри. В доме было тихо и пусто, вся толпа была снаружи. Только у входа русоволосый москвич заметил двух крепких ребят, скупающих у стойки для автоматов.

Панков прошел мимо них в гостиную, застеленную красно-зелеными коврами, и увидел Ниязбека. Тот молился, обратившись лицом к Мекке. Рядом, на покрытом ковром топчане, валялся «калашников» с широким серым ремнем. Стол в гостиной был полностью заставлен нехитрой едой: лепешками, зеленью, краснобокими помидорами и тарелками с большими вареными кусками мяса.

Ниязбек кончил молиться, встал, сложил коврик и надел носки. Потом молча сел на топчан.

Панков сел напротив.

– Ты его любил? – спросил Владислав.

– Он мой старший брат, – ответил Ниязбек, терпеливо, словно русский задал какой-то ребяческий вопрос. Подумал и добавил, – он меня вырастил. Он был на семь лет старше.

– Ты часто с ним виделся?

– Последний раз – девять лет назад. Я был у него на новоселье. В Москве. Там были его друзья и директор его института, и мой брат начал стыдить меня при всех. Он сказал, что он

депутат, что у него вот есть квартира и водитель, и что институт, в котором он раньше работал, платит ему пятьсот долларов в месяц только за консультации. «Можно жить достойно и не убивать людей», – сказал он.

Ниязбек помолчал, и Панков увидел, как шрам у него на шее вдруг вздулся, как капюшон кобры.

– Я вышел из квартиры с директором института. Когда мы спустились площадкой ниже, я ударил его, как собаку, и сказал: «Я даю тебе две тысячи, почему ты передаешь брату пятьсот долларов? Я тебя потеряю».

– И что было дальше? – спросил Владислав.

– Брат вышел на лестницу, чтобы проводить этого директора. Они ведь дружили. Он слышал, как я его бил. Он спустился вниз и спросил: «Квартира тоже от тебя?» «Да», – ответил я. Через месяц он уехал в Америку. Больше я его не видел.

– И сильно ты побил директора? – спросил Владислав.

– Меньше, чем он заслуживал.

Они молчали несколько секунд. За окном в честь покойника трещали автоматные выстрелы.

– Начальник УФСБ клянется, что его убили боевики Вахи Арсаева. И даже мои... эксперты не исключают подобной возможности, – наконец проговорил Владислав.

Ниязбек усмехнулся.

– Убийцы бросили оружие – раз. Они сожгли машину – два. Зачем Вахе бросать оружие? Его менты знают в лицо. Его поймают, его живым десять сантиметров не проташат. Оружие – это возможность выжить. Зачем Вахе сжигать машину? Что, у ментов его отпечатков нет? Бросать оружие – это почерк киллеров, а не ваххабистов. Ваха бы оружие забрал и машину тоже. У него лишних денег нет.

– Но...

– У тебя есть иллюзии? Ибрагим Маликов – твой друг, а его брат спас твою шкуру. Что должен думать президент, когда тебя назначают полпредом? Что он должен думать, когда он предлагает тебе поужинать, а ты спрашиваешь: «Где здесь столовая?». Что хочет каждый человек, Владислав?

– Сохранить свое место? – спросил чиновник.

Ниязбек, против воли, расхохотался.

– Каждый человек хочет жить. Президент Асланов понимает, что после того, как его снимут, он не проживет и месяца. А дети его не проживут и дня. Не обманывай сам себя, русский. На Кавказе это стоит жизни.

Скрипнула дверь, и на пороге гостиной появилась девушка, закутанная так, что из-под черного платка были видны только лицо и узкие руки. Она поставила на стол перед мужчинами большую фарфоровую миску, в которой в бульоне плавали белые рожки хинкала.

– Поешь, – сказал Ниязбек, и Владислав внезапно понял, что он очень голоден. Последнее, что он ел, был какой-то вчерашний салат из свеклы в столовой дома правительства. Он бы с удовольствием еще и выпил, но по какой-то причине спиртного на столе не было.

Хинкалы оказались вкусными и горячими, и Владислав съел целую миску, и напоследок еще закусил жесткой вяленой колбасой.

– Тогда, девять лет назад, я очень долго болел, – сказал Владислав, – ты будешь удивлен, но у некоторых людей есть такая штука – нервы. Я просидел в подвале три дня, а лечился полгода. Потом я два года был в США. Представитель России при Мировом Банке. Когда я попытался найти человека по имени Ниязбек, мне сказали, что тебя убили.

Ниязбек рассеянно гонял вилкой кусочек хинкала.

– Врачи сказали мне забыть о Кавказе, – сказал Владислав, – и я забыл. Когда меня назначили полпредом, я узнал забавную вещь. Я узнал, что ваш новый президент был избран в 98-

м. Через пять месяцев после того, как ты вытащил меня из подвала. И что его сыновей зовут Гамзат и Гази-Магомед. Мне сказали, что Гамзат и Гази-Магомед много занимались бизнесом, и делали это грязно. Что они все время влетали в проблемы. Забывали платить долги. Что если бы не их друг по имени Ниязбек, они бы никогда не выжили, а президент Асланов никогда не стал бы президентом, потому что именно люди Ниязбека с автоматами в руках обеспечивали ему правильный подсчет голосов. Еще я узнал, что через неделю после того, как президент Асланов победил на выборах, машину Ниязбека разорвало фугасом. Чтобы, значит, не отдавать долги. Что ты собираешься делать, Ниязбек?

Горец поглядел на него своими темно-коричневыми глазами и ответил:

– Ничего такого, о чем бы я хотел рассказать полпреду президента Российской Федерации.

Владислав молчал несколько секунд, собираясь с духом, но в этот момент громко хлопнула дверь, и в гостиной показались несколько человек. Крепкие, черноволосые, кто в черных рубашках, кто в камуфляже. Все они по очереди начали обниматься с Ниязбеком, а потом горец обернулся и представил первого:

– Джаватхан.

Джаватхан обладал удивительно простодушной оливковой физиономией, обрамленной короткой черной бородой, и мог, по местным меркам, с одинаковым успехом быть как министром, так и бандитом, или и тем и другим сразу.

– Хизри.

Хизри шел, опираясь на плечо Джаватхана, и Панков вдруг сообразил, что вместо ноги у него протез. Он был болезненно худ. Черные, как засвеченная фотопленка, глаза сверкали на сером землистом лице.

– Ваха.

Вахе было около сорока. Он был гибкий и крепкий, как цепь, с курчавыми полуседыми волосами и неожиданной для горца синевой жестких глаз.

Четвертый гость повернулся, чтобы поздороваться, и рука Панкова непроизвольно отдернулась, словно он сунулся в домну.

Это был Арзо Хаджиев.

Полевой командир постарел довольно сильно. Морщины на чисто выбритом лице были такие частые, словно его бросили на раскаленную сетку, и левый, пустой, рукав камуфляжной куртки был пристегнут к поясу. На погонах Хаджиева красовались три звездочки. Панков знал, что пять лет назад Хаджиев перешел к русским; сейчас он командовал спецгруппой ФСБ «Юг», а брат его представлял Чечню в Совете Федерации. Полпред президента понимал, что рано или поздно его встреча с Хаджиевым неизбежна. Но сейчас он замер и испуганно смотрел на Хаджиева, словно ожидая, что тот ударит его.

Чеченец засмеялся, показывая крепкие желтые зубы, и обнял полпреда здоровой правой рукой.

– Мне пора ехать, – сказал Владислав.

Его никто не задерживал, и Панков понял, что он поступает правильно. Этим пятерым надо было поговорить, и даже если они будут говорить по-русски (а они будут говорить по-русски, потому что Арзо чеченец), то все равно ни один русский не поймет того, о чем они говорят.

В прихожей Панков столкнулся с девушкой в черном. Она несла кастрюлю с мясом, и Панков сказал:

– Помочь?

Девушка испуганно оглянулась, и Панков внезапно увидел правильное, удивительной красоты лицо, с темными пушистыми бровями, такими же, как у Ниязбека, и черными озерами глаз. Даже мешковатая одежда не могла скрыть гибкой и стройной фигурки. Девушка посмотрела

рела сначала на сероглазого русского в костюме, пошитом на Seville Row, потом на вооруженных людей в прихожей (их стало значительно больше), и промолвила еле слышно:

– Нет-нет. Вы не должны. Вы же мужчина.

И проскользнула в дверь гостиной. Владислав глядел ей вслед.

Когда вертолет поднялся в воздух, было уже темно. Пробка на горной дороге сияла фарами. Полпред закрыл глаза, перебирая в уме состоявшийся разговор, и вдруг вскинулся, как от удара током.

– Что такое, Владислав Авдеевич? – перепугался начальник охраны.

Владислав прикрыл глаза рукой и снова, как наяву, увидел лица зашедших к Ниязбеку мужчин. Шок от встречи с Арзо выбил из головы все мысли, а зря. Кто такие Джаватхан и Хизри, Панков не знал, впрочем, кажется, он видел Хизри на экономическом форуме. Но вот лицо человека, представившегося как «Ваха», Панкову было знакомо. Они никогда не встречались, да и не могли, но именно это лицо глядело на Панкова с уголовного дела, заведенного на главного террориста республики Ваху Арсаева еще в 1997-м году, когда он в компании семи вооруженных до зубов головорезов захватил рейсовый самолет «Торби-кала-Москва».

На следующий день после похорон Игоря Маликова Панков собрал совещание руководителей силовых структур. Из девяти человек, сидевших за столом, шестеро были родственники президента республики, восьмой был сам Панков, а девятый был замглавы УФСБ полковник Шеболев.

Это была личность легендарная в своем роде. Десять лет назад карьера Шеболева началась с того, что он лично отправился на переговоры с Вахой Арсаевым. И лично застрелил двух террористов, подав тем самым сигнал к началу штурма. Вскоре после этого Шеболев уехал из республики, а вернулся три месяца назад: назначение его лоббировал тот же человек, что и способствовал назначению Панкова. «Держитесь вместе», – порекомендовал он.

Полковник Шеболев был высокий, довольно крупный человек с мясистым лицом и повадками носорога. Он плохо переносил жару, и то и дело промокивал розовый лоб и раннюю лысину, обрамленную венчиком желтоватых волос. Перед началом заседания Шеболев подошел к Панкову и вполголоса осведомился:

– Говорят, вы были на соборезновании. Что говорит Ниязбек?

– А вас там почему не было?

– Меня бы не пустили. Вы недооцениваете, Владислав Авдеевич, тот факт, что вас туда пустили. Вы там видели кроме себя хоть еще одного русского?

– Спросите, что там было, у Арзо, – посоветовал Панков, – он же теперь ваш. Вы его хозяин.

Ответ полковника последовал без промедления:

– Мне Арзо волка подарил. На день рождения. Сидит теперь в клетке, и я его хозяин. Но что у волка в голове творится, я не знаю, и разговаривать с ним не умею.

– А чего вы его тогда держите? – спросил Панков.

– А чтобы в клетке был. А не в лесу.

Главным докладчиком на совещании был руководитель парламентской комиссии по расследованию обстоятельств гибели Игоря Маликова. Это был ни кто иной, как депутат ЗАКСа, председатель совета директоров «Аварского национального банка» и глава службы безопасности президента Гамзат Асланов.

– Подрыв машины полномочного представителя президента РФ в Кавказском федеральном округе, – сказал Гамзат, – был осуществлен с помощью ФАБ-250. Это фугасная авиабомба с массой взрывчатки в двести пятьдесят килограмм. Взрыв осуществлялся по проводам. В момент подрыва над бомбой находился багажник «Мерседеса». Машину вывернуло наизнанку,

и все находившиеся в ней погибли мгновенно. Джип сопровождения был практически уничтожен тем же взрывом. Двум охранникам удалось выбраться, но их добили автоматным огнем. При взрыве серьезно пострадали еще три машины. Разрушено десять метров железнодорожного полотна, в стаде, пасшемся неподалеку, убит корова.

Панков сидел, уперев глаза в полированный стол. Ниязбек был прав. Это расследование с самого начала превращалось в фарс. Гибель потенциального президента республики расследовал сын президента нынешнего.

– Это самый мощный взрыв в республике за последние пять лет, – продолжал Гамзат, – не считая попытки взрыва здания «Авартрансфлота» с помощью грузовика, груженного полутонной тротила. Наиболее важен тот факт, что подобную бомбу нельзя установить за час или два, особенно на оживленной трассе. Согласно предварительным данным следствия, бомба была зарыта на глубине тридцать сантиметров во время ремонта переезда. Было это, по данным свидетелей, около двух недель назад.

Панков поднял голову. Эти слова были для него неожиданностью.

– Есть данные, – спросил он, – откуда взялась бомба?

За Гамзата ответил начальник УФСБ республики генерал-лейтенант Разгонов.

– Мы проверяем все места, – сказал Разгонов, – говоря по правде, их всего два. Больше всего подозрений у нас вызывает авиабаза в Барго. Сейчас там идет сплошная проверка.

– Следует заметить, – добавил министр МВД Ариф Талгоев, – что взрыв оказался, видимо, сильнее, нежели рассчитывали террористы. Взрывная волна обрушила бетонную стену, за которой прятался подрывник. Возле его лежки мы нашли кровь, лоскутья кожи, одежды, и брошенный автомат. Террорист был ранен, и, возможно, контужен. Его товарищи помогли ему скрыться. Что же до машины, на которой они уехали – это белая «шестерка» с госномером ПЗ27ЗА. Хозяин «Шестерки» задержан и сейчас дает показания.

Панков помолчал.

– Убийство Игоря Маликова, – сказал он, – это беспрецедентный теракт. По размаху, по дерзости, по количеству жертв. Теракт, который свидетельствует о кричащих недостатках власти в республике. Как вышло, что комиссию по расследованию этого теракта возглавляет сын президента республики?

Все присутствующие переглянулись.

– Гамзат Ахмеднабиевич, – сказал прокурор Махриев, – опытный и уважаемый в республике человек. Хороший юрист. Блестящий работник. Мы надеемся, что с учетом его влияния, его...

– Не надо, – негромко сказал Гамзат, и прокурор осекся.

– Владислав Авдеевич, – продолжал сын президента, – имеет в виду, что это убийство могло быть выгодно нашей семье. Так ему сказали враги нашей семьи. Нашего рода. Так вот. Бомба, которая убила Ибрагима, была заложена под рельсы две недели назад. Тогда, когда никто не знал, что Ибрагим приедет в республику. Когда никто не знал, что в республику приедете вы, Владислав Авдеевич. Клянусь Аллахом, ни я, ни мои родные не имеем к этой бомбе никакого отношения. Для меня дело чести доказать, что я не виноват в этой смерти. Это дело безопасности моей семьи. Вот почему я возглавляю эту комиссию и не скрываю этого.

Панков молча смотрел на Гамзата. «А если он прав?» – подумал Владислав.

Когда совещание закончилось, Панков сделал Шеболеву знак остаться.

– Что вы думаете про эту комиссию? – спросил Панков.

Шеболев набулькал себе в стакан минералки.

– Думаю, что ей будет трудно найти правду.

– Вы тоже считаете, что сын президента замешан в этом теракте?

– У меня не такая должность – считать, – ответил полковник, – моя должность – знать. Вот я знаю, например, что на авиабазе в Барго со склада пропали бомбы, а когда мы захотели поговорить с начальником склада, то оказалось, что пропал и он.

– Давно пропал? – спросил Панков.

Шеболев промокнул пот со лба и снова наполнил стакан минералкой.

– Авиабазы в Барго, – сказал он, – это место, где все пропадает. Просто бермудский треугольник какой-то. Мы вот со вчерашнего дня там проводим проверку, и решили посмотреть топливо. Оно у них хранится в таких здоровенных хранилищах на две тысячи тонн каждое. И что же вы думаете? По документам четыре тысячи тонн на месте, а на самом деле какие-то умельцы приварили в центре емкости трубу до самого низа, туда комиссия шуп запускает – топливо есть. А на самом деле его давно нету. То есть некоторые вещи, которые на базе быть должны, их там нет. А некоторые лишние – есть.

– И какие это лишние вещи?

– Например, подпольный водочный цех.

Панков вскинулся.

– Вы шутите, – сказал он.

– Ничуть, – сказал Шеболев. – Более того, я вам скажу, что как только мы взяли за жабры человека, который этим цехом руководил, мне позвонил депутат парламента, которому он приходится двоюродным братом. А когда я этого депутата послал, мне позвонил министр финансов, который с ним родственник по жене. А уж когда мы взяли начальника склада ГСМ, то моему начальнику позвонил сам председатель правительства, потому что начальник склада ГСМ – его внучатый племянник, и это обстоятельство должно обеспечивать ему дипломатическую неприкосновенность.

– Все-таки ваше дело – кража бомб, а не производство водки, – сказал Панков.

– Несомненно. И про водку я рассказываю по двум причинам. Во-первых, чтобы объяснить, что бомбы со склада мог вывезти любой. Например, тот, кто приехал за водкой. Или тот, кто приехал за левой горючкой. А начальника склада, которого мы ищем, – может, его давно утопили где-нибудь на Каспии и сейчас все хотят списать на него, потому что местные менты дальше печки мышку не ловят. А во-вторых, я хочу вам сказать, что Гамзат Асланов не может расследовать эту историю, даже если это не он взорвал Маликова. Как он будет ее расследовать, если у каждого человека, который попадает под подозрение, есть брат, дядя, дедушка и троюродный свекор со стороны матери? Я не бросал своих связей с этой республикой, Владимир Авдеевич, я знаю, что говорю.

Шеболев сидел перед полпредом, шумно дыша, как большой бело-рыжий сенбернар, страдающий от жары, и Панков заметил, что кожа на его руках, торчащих из рукавов короткой форменной рубашки, обгорела и покрылась белой шелухой.

– Хотите, я вам приведу простой пример? – продолжал русский полковник, – Так получилось, что Арсаева восемь лет назад поймал именно я. Ваха был из хорошей семьи, его отец чеченец-аккинец, он руководил Первым медицинским, а здесь никуда не поступают без взяток. Мне предлагали, чтобы отмазать Ваху, полмиллиона. Потом миллион. А потом Ваха получил двадцать пять лет и поехал в колонию в отдельном купе с двумя конвоирами. Оба холостые, в здешних местах женитьба стоит дорого, молодые люди не могут себе позволить жену. На первой же остановке оба конвоира вышли попить чайку, а Ваху они оставили непристегнутым. Ваха вышел из вагона, сел в подъехавшие «Жигули» и был таков. А оба конвоира вскоре женились.

Панков помолчал.

– Если вы действительно хотите бороться с терроризмом в республике, – сказал Шеболев, – то вы должны создать особую группу при ФСБ. Группу, которая никому не подотчетна.

Группу, которая имеет все полномочия забирать тех людей, которых она сочтет нужным, и делать с ними все, что сочтет нужным, не взирая на звонки и угрозы.

– Такую, как группа «Юг»? – уточнил Панков.

Шеболев ощерился и вдруг сжал правый кулак, словно натягивая воображаемый поводок.

– Арзо, – сказал Шеболев, – сидит у нас на цепи, и не дай бог этому волку раскрыть пасть не в ту сторону и вцепиться не в ту курицу. Порву.

Министру строительства Магомедсалиху Салимханову очень не нравилось, что он сидит в СИЗО по статье «попытка убийства», и еще больше ему не нравилось, что дело, ввиду его особой значимости, расследует лично прокурор Правобережного района Багаудин Арифов.

Дело в том, что три года назад Магомедсалих Салимханов убил сына Арифова.

Убийство это произошло при следующих обстоятельствах.

Магомедсалих, Али Арифов и еще несколько человек, входивших в окружение Ниязбека, занимались нефтью. Нефть забирали бензовозами прямо с узлов переработки и везли через Бараний туннель на территорию сопредельной Южной Аварии. Обрато через туннель возили спирт. Иногда нефть забирали не с узлов переработки, а из врезок в трубопровод, но так или иначе, вся нефть была без документов.

Это был такой популярный промысел в республике, что двести километров горной дороги, которая шла до Бараньего туннеля, даже расширили и заасфальтировали, но все равно через каждые два километра в ущелье валялся сгоревший бензовоз, потому что водители засыпали за рулем или лихачили.

Однажды на узел нефтепереработки, с которого забирали нефть, нагрянула прокурорская проверка. Магомедсалих не счел это дело за серьезное и пошел к Али. «Помоги, – сказал Магомедсалих, – если надо, мы заплатим». Дело действительно закрыли: стоило это сто пятьдесят штук, и для друзей это были немалые деньги.

Спустя некоторое время накрыли еще парочку бензовозов, заправлявшихся у трубопровода. Это были бензовозы их друга Сергея. У Сергея не оказалось денег, чтобы закрыть дело, и Али сказал, что сам все уладит, но что за это часть доли Сергея перейдет ему.

Таких случаев произошло пять или шесть за год, а потом как-то раз взяли друга Магомедсалиха по имени Мурад. Его обвинили в убийства бурового мастера. Магомедсалих пришел к сыну прокурора просить о закрытии дела, и тот сказал, что это будет стоить двести тысяч. «У него нет таких денег», – ответил Магомедсалих. «Так что ж я могу сделать, – последовал ответ, – он же его убил! Он сам всем рассказывал! Если у него нет денег, пусть отдаст бизнес. У него пять бензовозов, пусть отдаст два».

Магомедсалих вернулся домой сильно озадаченный. Дело в том, что Мурик действительно убил бурового мастера, потому что тот завел собственные бензовозы, но он никогда об этом не трепался. Единственный раз, когда Мурик проговорился, был, когда они сидели вместе, пьяные в ночном клубе, и в их компании был сын прокурора. Али Арифов был не так пьян, как другие, и Магомедсалих вспомнил, как он спрашивал Мурада о покойнике.

Магомедсалих поразмыслил еще и понял, что всякий раз, когда менты брали бензовозы, они точно знали, где они будут, так, как будто их кто-то наводил. Еще Магомедсалих понял, что в результате этих проверок доля его и его друзей в бизнесе сократилась до сорока процентов, а доля Али возросла до шестидесяти.

После этого Магомедсалих взял ствол, сел в машину и поехал к Али Арифову. Было три часа ночи; Али отворил ему, отчаянно зевая. Он был в шлепанцах, и поверх его бедер было замотано полотенце. Они прошли в кухню, и через раскрытую дверь Магомедсалих заметил, что в спальне спит пьяная проститутка. Магомедсалих сказал Али все, что он о нем думает, и потребовал, чтобы тот вернул бизнес и выпустил Мурада. Еще Магомедсалих потребовал

триста тысяч долларов. Сто пятьдесят тысяч взамен тех, которые получил Али, и еще столько же за моральный ущерб. Али засмеялся:

– Ты бандит, а я сын прокурора. Как я решу, так и будет.

Магомедсалих вытащил из-за пояса пистолет и сказал:

– Клянусь Аллахом, ты вернешь все, и ты извинишься перед Муриком.

– Серьезный ствол, – ответил Али, – как ты думаешь, сколько ты получишь за него лет?

В следующую секунду Магомедсалих выстрелил.

Следствие так ни до чего и не докопалось, но прокурор Правобережного района знал, что его сына убил Магомедсалих, и все это знали. «Если бы это был не Магомедсалих, а Сергей или Хизри, – говорили все, – то они бы убили и проститутку, спавшую в соседней комнате. Только Магомедсалих мог в такой ситуации оставить женщину в живых».

Ниязбек приехал к полпреду спустя два дня после убийства брата. Панков молча смотрел из окна, как во двор пансионата заезжает колонна джипов, и как из них выпрыгивают черно-волосые парни с автоматами.

В кабинет полпреда Ниязбек зашел вместе с тремя друзьями. Несмотря на жару, он был в рубашке с длинными рукавами. От него, как и в прошлый раз, пахло дорогим одеколоном, и только в лице что-то странно изменилось. Панкову понадобилось несколько минут, чтобы понять, что Ниязбек не брился два дня.

Двоих из спутников Ниязбека Панков узнал сразу. Это были хромец Хизри и смуглый чернобородый Джаватхан. Третий представился как Магомед-Расул.

Магомед-Расул оказался из какого-то ремонтного управления, Джаватхан был замминистра по налогам и сборам, а Хизри был просто Хизри.

– У меня к тебе просьба, – сказал Ниязбек, – отпусти Магомедсалиха.

– Исключено.

– Ты делаешь ошибку. Магомедсалих – мой друг.

– Я знаю, что он твой друг. Я не сомневаюсь, что у него были причины сделать то, что он сделал. Наверняка это были важные причины. Может, вице-спикер обозвал нехорошим словом его кошку, а может, мама вице-спикера когда-то не подала воды бабушке Магомедсалиха. Но мне нет дела до его причин. Человек устроил перестрелку на глазах половины парламента и трех телекамер! Если этого недостаточно, чтобы посадить человека, то что – достаточно?

– Чушь какая-то, – бухнул Джаватхан, – человек такие дела делал, а его за драку посадили. Неудобно как-то!

Глаза российского чиновника сделались цвета жидкой ртути.

– Вы хотите сказать, что его лучше посадить за убийство? Могу обеспечить.

– Послушай, Владислав Авдеевич, – сказал Ниязбек, – это хороший парень. Может, он не такой умный, как ты, но он храбрый и честный. Ему всего двадцать семь лет, и у него через две недели чемпионат мира в Токио. Отпусти его на чемпионат, дай ему выиграть. Он вернется и сам придет в тюрьму. Я гарантирую.

– Нет, – сказал Панков.

Ниязбек поднялся.

– Ну ладно, – сказал он, – потом не говори, что я тебя не просил.

Панков вышел провожать гостей в приемную.

– Послушай, Ниязбек, – спросил он вполголоса, – что тебе сказал Ваха?

– Какой Ваха?

– Ваха Арсаев. С которым ты встречался на похоронах.

– Ты, наверное, обознался, – ответил Ниязбек. Помолчал и добавил: – Оставь это дело.

– Какое?

– Ты требуешь расследования убийства моего брата. Не делай этого.

Панков помолчал и спросил еще тише:

– А почему ты небритый?

– Что?

– Мне говорили, что у вас... ну, что люди отращивают бороду, когда они дали обет кровной мести. Ты что, отращиваешь бороду?

Ниязбек рассеянно провел рукой по лицу:

– Ох ты, – сказал он, – оброс, как ерш. Три дня на ногах. Сейчас побреюсь.

Из резиденции полпреда Ниязбек поехал домой к одному человеку, которого звали Дауд. Когда Ниязбек заехал во дворе, он увидел там несколько машин. Дауд заметил, что Ниязбек узнал номера машин, и, после того, как они обнялись, Дауд сказал:

– Он хотел бы с тобой поговорить.

Ниязбек пожал плечами и пошел вверх за Даудом.

У дверей гостиной толклась охрана, а в самой гостиной за накрытым столом одиноко сидел Гази-Магомед Асланов. Он сидел, обхватив полупустую уже бутылку сардельками пальцев, и по одутловатому его лицу стекал пот.

Будучи главой «Аварнефтегаза», Гази-Магомед Асланов являлся формально самым крупным хозяйственником республики. Республика добывала около миллиона тонн превосходной легкой нефти без примеси серы, превосходившей по качеству Brent и приближавшейся к марке Basra light. Нефть вывозилась из республики тремя способами.

Во-первых, она шла по нефтепроводу, и на каждый километр этого нефтепровода приходилось по пять-шесть врезок.

Во-вторых, нефть грузили на баржи и вывозили в море, где ее и скупали танкера. Танкер мог и сам загрузиться нефтью в порту, но тогда эта нефть была бы легальная и обошлась бы раза в полтора дороже.

В-третьих, нефть вывозили через туннель на Бараньем Перевале в сопредельную Южную Аравию. В ту сторону по туннелю шли цистерны с контрабандной нефтью, а в обратную шли цистерны с контрабандным спиртом. Туннель охраняла горная бригада, призванная не допустить в республику экстремистов и террористов. Бригада брала по сто долларов с каждой машины.

Нефтяной промысел был для самых разных людей. У одних были десятки бензовозов, но в горах были люди, которым принадлежал один бензовоз на две-три семьи. Эти люди покупали нефть на узле сортировки и платили за проезд всем, кто мог взять с них деньги.

Таким образом, «Аварнефтегаз» добывал около миллиона тонн нефти, но его генеральный директор и сын президента Гази-Магомед Асланов контролировал продажу не более чем двухсот тысяч тонн. Ниязбек контролировал гораздо больше.

При виде Ниязбека Гази-Магомед попытался встать, но он слишком много весил и слишком много выпил.

– Ниязбек, я очень сожалею, – сказал Гази-Магомед, – Скажи, я могу что-то сделать?

– Да, – ответил Ниязбек, – ты мог бы перестать пить, как свинья. Чтобы не быть таким позором для своего отца.

Повернулся и вышел.

Гази-Магомед молча смотрел ему вслед, и вместе с потом по его лицу катились слезы.

Гази-Магомед впервые увидел Айзанат, свою покойную невестку, когда ей было семь лет, и она училась в одном классе с его младшим братом Гамзатом. В следующий раз он увидел

ее только через двенадцать лет, когда они с братом впутались в какую-то глупую историю и приехали к Ниязбеку поблагодарить за помощь. Гази-Магомед уже тогда был очень полным, и его брат всегда звал его дураком. Отец тоже его недолюбливал и говорил: «Слушайся брата».

После того, как Гази-Магомед увидел Айзанат, он впервые решил заработать много денег, и сделать это отдельно от брата. Вскоре Гази-Магомед познакомился с парнем по имени Миша. Миша очень оживился, узнав, что отец Гази-Магомеда – бывший первый секретарь компартии республики, и предложил Гази-Магомеду очень простое дело. Всего-то и надо было, что ходить по банкам и получать кредиты. Это оказалось удивительно просто. Миша приводил Гази-Магомеда в кабинет, тот говорил те слова, которым научил его Миша, и подписывал договор.

За короткое время они набрали кредитов на пять миллионов долларов. Гази-Магомед знал, что он возьмет все эти деньги и принесет их Айзанат, и может быть, она после этого решит, что он не такой толстый. Гази-Магомеду даже не пришло в голову, что деньги, собственно, достаются не ему, а Мише. Он бы так никогда это не и не понял, если бы в один прекрасный день раз Миша не взял его с собой на чей-то день рождения.

Это был день рождения очень влиятельного бандита, и все дарили ему часы, мобильники и даже машины. Что же касается Миши, то он скромно положил руку на плечо Гази-Магомеда и сказал:

– А я дарю тебе этого дурака. Он уже взял на себя пять миллионов долларов и возьмет еще столько же, потому что деться ему уже некуда.

После этого Гази-Магомеда отвели в подвал и там он просидел две недели, время от времени подписывая какие-то бумаги. В конце второй недели дверь подвала отворилась, и в нее спустился Ниязбек. Он вывел Гази-Магомеда наружу, и когда они проходили мимо хозяина дачи, тот стоял по стойке смирно и даже попытался поцеловать Ниязбеку руку.

На следующий день они вернулись в Торби-калу. Гази-Магомеду было стыдно. Он сказал Ниязбеку, что он хотел бы отдать ему долю в бизнесе, но Ниязбек сказал:

– Не надо. Я с родичей доли не беру. Моя сестра выходит замуж за твоего брата.

Гази-Магомед женился только два года спустя после смерти Айзанат. К этому времени он растолстел еще на двадцать килограмм и стал безнадежным пьяницей.

Утро во вторник началось с народных волнений.

Волнения имели место перед мэрией. Человек двести стояли у памятника Аслудину Асланову с плакатами «Шарапудин – вор!» «Руки прочь от Расула», – и тому подобными, и когда милиция стала теснить митингующих, у одного из участников митинга из-за пазухи выпала граната. По счастью, она не взорвалась, но владельца гранаты забрали в ментовку как террориста и выпустили только спустя два часа, когда выяснилось, что он является троюродным братом замначальника ГИБДД Бештойского района. Это обстоятельство, по-видимому, послужило ему вместо алиби.

После этого толпа перебралась от мэрии к резиденции полпреда, и Панков приказал выяснить, в чем дело.

Дело оказалось до крайности простым и началось три дня назад, когда в двухстах километрах от Торби-калы, в море, где была расположена местная нелегальная нефтяная биржа, танкер государственной компании «Авартрансфлот» заправился нефтью из маленькой баржечки. Руководил «Авартрансфлотом» некто Сапарчи Телаев.

По какой-то причине капитан баржи потребовал за нефть больше, чем в прошлый раз. Капитан танкера возмутился и отказался платить вовсе. Возможно, если бы баржечка принадлежала бы какому-нибудь лоху, это и сошло бы ему с рук. Но баржечка принадлежала мэру города Торби-кала Шарапудину Атаеву, и командовал ей ее двоюродный племянник.

Племянник мэра со вооруженными людьми поднялся на борт танкера и забрал те деньги, которые он хотел за товар. Кроме этого, они забрали с собой все деньги, которые нашли на танкере, и все бывшее там оружие. Им, однако, не хватило ума испортить средства радиосвязи.

Поэтому, когда баржечка причалила в порту, ее уже ждали. Победителей избили, оружие и деньги отобрали. При этом случилась маленькая перестрелка, но так как никто не заявлял о ней в милицию, милиция предпочла не обратить на это дело внимания.

Спустя два часа к дому Телаева подъехали машины мэра Торби-калы Шарапудина Атаева. Мэр лично позвонил главе «Авартрансфлота» и заверил, что не позволит своему племяннику требовать за нефть больше, чем раньше, но попросил вернуть деньги и оружие. На это Сапарчи Телаев ответил, что оружие досталось ему в честном бою и что ничего, кроме задницы ишака, мэр не получит.

После этого случилась перестрелка чуть побольше, но так как милиция привыкла к автоматным выстрелам во дворе Сапарчи Телаева, она предпочла не обратить на это дело внимания.

Мэр города обиделся и отдал соответствующие распоряжения, и когда утром Сапарчи проснулся, он обнаружил, что в его городском особняке отключены не только свет и тепло, но даже канализация. Сапарчи взял людей и поехал к начальнику горводоканала поговорить о справедливости. В ходе разговора в ворота здания водоканала попала граната из РПГ-7, но так как начальник не обратился в милицию, она предпочла не регистрировать происшествие.

После этого разговора начальник горводоканала немедленно подсоединил особняк Сапарчи к канализации, хотя мэр строго-настрого запретил ему это делать до тех пор, пока Сапарчи не вернет деньги и оружие. Мэр города огорчился. Начальника горводоканала уволили.

Это был человек очень уважаемый, а главное – представитель одного из самых многочисленных кланов республики. Все его родственники были возмущены увольнением и вышли на площадь, и от этого и получилась демонстрация.

Обе стороны конфликта прибыли в полпредство через два часа. За эти два часа толпа на площади загустела, как каша, из которой выпарили воду, и к ней прибавились какие-то люди, которые ходили, помахивая автоматами, как дворники помахивают метлой. Вся картина вместе чрезвычайно напоминала подготовку к съемкам фильма о штурме Зимнего.

Когда полпред пришел в кабинет, все участники встречи уже были на месте. Мэр города расхаживал взад-вперед перед дверью, и синие глаза на его смуглом лице горели, как два газовых факела в ночи. Глаза Атаев унаследовал от матери-казачки, а широкое лицо – от отца-ногайца.

Сапарчи Телаев сидел за столом в короткой черной футболке, рельефно обтягивавшей плечи и мышцы. Ничего подобного Панков не видел с тех пор, как смотрел фильм «Терминатор-2». Чтобы так выглядеть, глава «Авартрансфлота» должен был проводить в тренажерной весь рабочий день. Было непонятно, когда он умудряется руководить госкомпанией.

– Слушай, – говорил Сапарчи, – этот твой Махач, он ничего не понимает в бизнесе! Он заливает нефть, а потом он требует цену как за бензин!

– Он требует ту цену, которую ты платишь Гамзату, – возразил мэр города. – Почему ты Гамзату платишь одни деньги, а мне – другие?

– Потому что ты не сын президента, – отвечал Сапарчи, – когда это бывало, чтобы тонна, которую продает сын президента, стоила столько же, сколько тонна, которую продает мэр!

– Но ты мне платишь меньше, чем Ниязбеку! – вскричал мэр.

В эту секунду Телаев, потеряв терпение, оттолкнулся руками от стола, и Панков с ужасом увидел, что этот Шварценеггер сидит в инвалидной коляске. Ноги его были прикрыты клетчатым шерстяным пледом.

– Мой флот! Кому хочу, тому плачу!

– Вообще-то это не ваш флот, а государственный, – сказал Панков.

– Ну да, государственный. То есть мой, – удивился Телаев.

Панков только руками всплеснул.

– Владислав Авдеевич, – заявил Телаев, – я хочу, чтобы вы знали – этот человек преступник. Он за свою должность мэра заплатил сыну президента два миллиона долларов. А поскольку у Торби-калы в это время был мэр, он спросил: «А как вы снимете мэра?» А ему ответили – «Сам снимай». И этот человек убил мэра города! Он убил директора горэнерго! Он убил директора радиозавода! Он убивает всех, кто ему мешает!

– А ты не убийца? – спросил мэр, – Ты Расскажи, как ты кровником Ниязбека стал! Как людей продавал в Чечню! Как ты туда ездил!

– Когда я туда ездил, – отозвался глава «Авартрансфлота», – тогда туда только татский раввин не ездил. Ты сам туда ездил!

– Я туда ездил, а ты там жил!

– Достаточно, господа, – прервал эту перепалку Панков, – люди чьи на улице?

– Мои! – хором ответили оба государственных мужа.

– Так вот, я вам даю десять минут, чтобы их с улицы убрать. Тот, кто не уберет людей, получит федеральную проверку. И слетит со своей должности.

Полпред повернулся и вышел из кабинета.

Глава МВД республики Северная Авария-Дарго Ариф Талгоев тоже присутствовал на памятном совещании в кабинете полпреда и понимал, что любой, кто раскроет убийство Ибрагима Маликова, вырастет в глазах федералов.

Глава МВД действовал с необыкновенной быстротой. Он вызвал к себе начальника отдела по борьбе с терроризмом и поручил ему раскрыть преступление в трехдневный срок.

Начальник отдела, получив полномочия, действовал быстро и четко. Он велел принести список людей, когда-то проходивших подготовку в лагерях Хаттаба, и выбрал из него пять человек, которые сейчас вернулись домой и ничем особенным не занимались. Кроме того, у этих пятерых не было влиятельных родичей или друзей.

Он послал людей по пяти адресам, и в короткое время ему доставили пять человек. Четверо из них были те, кто был обозначен в списке, а пятый отсутствовал, и поэтому вместо него забрали племянника.

После этого начальник отдела арестовал человека по имени Магомед, которому принадлежала белая «Шестерка», брошенная террористами. Магомеду было шестьдесят семь лет. В прошлом он был строителем на Севере, и в республику вернулся восемь лет назад, вместе с русской женой и заработанной в Заполярье «Шестеркой». Магомед утверждал, что машину у него угнали, но милиционеры опросили соседей, и одна из соседок показала, что вроде бы Магомед собирался ее продавать.

Тогда начальник отдела велел привести Магомеда, посадил его в наручники на стул перед собой и положил перед ним пять фотографий:

– Одному из этих людей ты продал машину, – сказал начальник отдела, – признавайся, кому.

– Я ее не продал, у меня ее угнали, – ответил Магомед.

Начальник отдела ударил шестидесятисемилетнего старика так, что тот упал на пол. В этот момент в кабинет вошел генерал Талгоев в полной генеральской форме.

– Что же ты делаешь, сволочь, – вскричал старик, – товарищ майор, он меня бьет!

Старик никогда не имел дела ни с военными, ни с ментами, и путался в размерах звездочек.

– Я не майор, а генерал-майор, – ответил Талгоев, – и он тебя не бьет. Это ты падаешь головой о его сапог. Поднимаешься и падаешь. Поднимаешься и снова падаешь.

Для того, чтобы обработать Магомед, понадобилось три часа. После трех часов избитый и окровавленный старик признал, что он продал свою белую «Шестерку» по доверенности и в качестве покупателя указал на человека с одной из предъявленных ему фотографий.

Человека с фотографии звали Казбек, и ему было двадцать пять лет. Когда ему было девятнадцать, в республике была безработица, а тем, кто тренировался в лагерях Хаттаба, платили по пятьсот долларов в месяц. Кроме того, это было престижно: тренироваться у боевиков. Девушкам это нравилось. Казбек прошел год тренировок и научился стрелять, взрывать и молиться. Он воевал в отряде Гелаева, а когда Гелаева убили, Казбек, тихо помолившись, вернулся к мирной жизни и вот уже третий год работал на радиозаводе сторожем.

Казбека привели к начальнику отдела, и тот сказал:

– Старик, у которого ты купил «Шестерку», тебя опознал. Давай рассказывай, где ты достал бомбу и кто еще взрывал Маликова.

Казбек сказал, что он ничего не знает, и тогда его избили, как собаку, и бросили в карцер. Когда он очнулся, его снова привели в кабинет начальника отдела.

– Я ничего не знаю, – сказал Казбек.

Его положили на пол, сунули в зад железную трубу, а через нее пропустили колючую проволоку. Потом трубу вынули, а проволоку стали водить туда-сюда.

– Я ничего не знаю, – сказал Казбек.

Тогда в кабинет начальника отдела привели жену Казбека, которая была на седьмом месяце беременности. С жены сорвали юбку и кофту и положили на стол.

– Сейчас мы все трахнем ее по очереди, – сказал начальник отдела, – а потом мы воткнем в нее эту трубу и засунем туда ершик, и будем им шуровать до тех пор, пока не достанем вместе с ним и ребенка. Шапи, думал ли ты когда-нибудь, что тебе придется делать дамочке аборт?

– Оставьте мою жену в покое, – сказал Казбек, – я признаюсь во всем, что вам надо.

Звонок в спальне Панкова раздался в десять вечера.

– Владислав Авдеевич? Это говорит генерал Талгоев. Мы раскрыли убийство Ибрагима Маликова.

Боевик оказался молодым еще парнем. Он со сломленным видом сидел на стуле, и глаза его смотрели куда-то в пол. Скованные руки были заведены за стул. Над потолком в кабинете горела оплетенная железом лампочка, и от дощатого пола пахло хлоркой и кровью.

– Вот полюбуйтесь, Владислав Авдеевич, – сказал Талгоев, – Казбек Магомедгазиев, двадцати пяти лет, с девятнадцати воевал в Чечне. Прошел огонь, воду и лагеря Хаттаба. А последние три года работал на Арсаева. По его заказу и взорвал Маликова. Дальше пусть сам говорит.

Террорист, сидящий на стуле, молчал. Он казался сейчас удивительно беззащитным, этот тощий чернявый парень, но Панков очень хорошо помнил, что именно таких парней, худых, проворных, молодых – он видел в горах в охране Ниязбека.

– Зачем ты это сделал? – спросил русский чиновник. – Кто тебе приказал?

Террорист молчал, и стоявший сзади него милиционер вдруг с силой вздернул ему подбородок.

– Смотри прямо и отвечай, когда спрашивают, – с угрозой сказал мент.

Террорист сглотнул.

– Цель была не Маликов. Цель была полпред, – сказал Казбек. – Ваха сказал, полпред встречает какую-то шишку в аэропорту. Зачем убивать Маликова бомбой? Мы думали, там будет целый кортеж. Мы думали, отработаем человек тридцать. Федералов.

– Откуда взяли бомбу? – спросил Панков.

– У меня школьный приятель на базе в Барго. Арсен. Я туда картошку привез, а обратно бомбу вывез.

– На чем? На грузовике?

– Нет. У меня «Иж». «Каблук». С этой базы чего угодно можно вывезти. Мы оттуда в прошлом году вертолетный двигатель вывезли.

Панков долго молчал. Потом приказал:

– Выйдите все.

Менты переглянулись.

– Выйдите, – сказал Панков, – он в наручниках. Что он сделает?

Генерал Талгоев и оба присутствовавших при встрече мента помедлили, но вышли. Террорист и шуплый русоволосый чиновник остались одни. Парень все так же безучастно сидел на стуле, и губы его беззвучно шевелились. Панков внезапно понял, что он молится.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Панков.

Парень, не поднимая взгляда, покачал головой. Губы его по-прежнему шевелились.

– Я полпред президента. Владислав Панков. Ты действительно хотел убить меня? Ты действительно член банды Арсаева?

Новый кивок головы. На этот раз в знак согласия.

– Тебя пытали? Ты не лжешь?

В следующую секунду Казбек взмыл вверх. Отцепленный наручник болтался на его левой руке, а в правой Казбек держал за ножку тот самый железный стул, на котором сидел. Стальное ребро спинки впечаталось в скулу Панкова, скосив полпреда на пол. Но террорист не стал добивать поверженного противника. Новый удар разнес в щепки ветхую раму окошка. Казбек отбросил стул и нырнул в окно.

Дверь кабинета распахнулась, и в нее с пистолетами в руках ворвались опера. Но было уже поздно. Они подбежали к подоконнику как раз вовремя, чтобы увидеть, как человек, падающий с третьего этажа, влетает головой в стекло патрульного «Газика», стоящего у заплыванной окурками клумбы.

Ошеломленный Панков шевелился на полу. Правая половина лица была залита кровью. «Жив?» – деловито спросил коренастый опер, помогая полпреду встать. Генерал Талгоев матерился у окна.

– Твою мать! – орал он, – Я же что говорил! Всем поставить решетки на окнах!

Глава вторая

Как стать депутатом

Замдиректора Шамхальского цементного завода Хизри Бейбулатов считался одним из самых опасных людей в республике.

Отец его был родом из того же села, что и Ниязбек, но сам Хизри родился в Шамхальске, – небольшом городке на стыке РСА-Дарго и Чечни, знаменитом вышеупомянутым уже заводом и удивительной еще для Союза безработицей. У него было трое братьев и пятеро сестер. Его мать умерла, когда ему было шесть лет. Его отец начал пить и быстро стал запойным пьяницей.

С детских лет Хизри знал, что он должен вырваться из одноэтажного равнинного городка с цемзаводом на берегу мутной быстрой реки, и что путь наружу лежит через спорт. В одиннадцать лет Хизри выиграл детские соревнования по вольной борьбе. В четырнадцать он стал призером чемпионата мира среди юниоров.

Ему было четырнадцать с половиной, когда он вернулся на лето в Шамхальск, и вдрызг пьяный отец не вписался в поворот горной дороги на своих «Жигулях». Машина слетела со скалы высотой в пятьдесят метров. Отец погиб мгновенно. Хизри, который сидел на заднем сиденье, выкарабкался из машины и пополз вверх.

К ночи он выполз на дорогу, а к утру его подобрали. Спустя три дня в районной больнице ему отрезали одну ногу чуть выше ступни, а другую – чуть ниже колена, и с его спортивной карьерой было покончено навсегда.

Теперь Хизри поселился в Торби-кале, в доме у дяди, занимавшего должность декана в Торбикалинском университете и по совместительству промышлявшего кое-какой коммерцией. Дядя был никудышный коммерсант, и партнеры крали у него все деньги, которые студенты платили ему за поступление. В коммерции Хизри разбирался плохо, учиться не хотел, а мир силы – единственный мир, который Хизри понимал, знал и любил, был для него закрыт. Вдобавок к инвалидности со времени катастрофы Хизри заработал жесточайшие боли в голове и позвоночнике. Старые друзья Хизри становились чемпионами мира и Европы, они иногда приходили к высохшему, отощавшему парню и рассказывали ему про залитый огнями Париж, про сверкающие отели Джидды и ночные клубы Москвы, а Хизри сидел дома, смотрел телевизор и пил водку.

Однажды в гости к дяде приехал чеченец – партнер по бизнесу. Хизри сидел напротив гостя, когда в комнату вошел его двоюродный племянник – мальчик лет пяти. «Какой хороший мальчик, – сказал чеченец, поглаживая ребенка, – интересно, сколько денег заплатят за тебя родители, если тебя украсть?» Больше чеченец не успел ничего сказать: Хизри достал пистолет и застрелил его на месте.

Чеченца закопали, и долгое время никто не знал, кто его убил.

Спустя пару месяцев разбогатевший чиновник купил участок земли рядом с Бейбулатовыми и начал перестраивать дом. Когда он заглянул в документы, он обнаружил, что забор Бейбулатовых стоит на полметра дальше, чем следовало бы. Сосед потребовал перенести забор, угрожая в противном случае прокуратурой. Хизри застрелил его в ту же ночь, а вместе с ним – двух его сыновей. Второй сын успел выпрыгнуть из окна, раненый, и побежал в больницу. Ему сделали операцию и положили в палату, где лежали еще двое. Хизри приковывал за ним на следующий день и застрелил прямо в палате.

Спустя некоторое время о Хизри заговорили. Его стали уважать. Братья убитого чеченца поехали убивать Хизри и навсегда пропали. Дядя отдал Хизри бизнес, и теперь этот бизнес процветал, потому что никто не спешил обманывать Хизри.

Несмотря на известность, Хизри по-прежнему много пил. Однажды со своими людьми он отмечал день рождения в ресторане, и там он повздорил с сыном прокурора республики. По обыкновению, Хизри выхватил пистолет и хотел стрелять, но охрана сына скрутила Хизри, и проснулся он уже в камере. Прокурор боялся за сына, и поэтому Хизри предъявили не только хулиганство, но и два десятка убийств, из которых половину он не совершал. Хизри не хотел признаваться, и чтобы сделать его разговорчивей, ему вырвали все ногти и спилили все зубы. Но Хизри все равно не признался.

После этого дядя Хизри, Магомед-Гусейн, поехал за помощью к Ниязбеку.

– Пожалуйста, помоги, – сказал Магомед-Гусейн, – мальчику двадцать один год, и он инвалид. У него больной позвоночник и нет ног, а его обвиняют в двадцати убийствах и делают с ним страшные вещи, такие вещи, что даже сказать нельзя. И все только потому, что он повздорил с сыном прокурора.

– Твой племянник – убийца и пьяница, – ответил Ниязбек, – ему двадцать один, он в крови по подбородок, и никто не скажет, что он убивал только тех, кто это заслужил.

– Но он инвалид, – сказал дядя, – он же не может бить людей. Он может их только убивать. Я прошу тебя ради твоего покойного отца и всех наших односельчан – помоги ему!

Ниязбек думал три дня, а на четвертый он навестил Хизри в СИЗО. Тот сидел в одиночке, и температура в камере была сорок два градуса. Лицо Хизри было один сплошной синяк, протезы у него отобрали, а в том, что осталось от ног, копошились черви.

Ниязбек собрал червей и спросил:

– Ты в чем-нибудь признался?

– Нет, – ответил Хизри.

В руках у Ниязбека был кувшин воды, и он протянул воду Хизри. Тот взял кувшин и собрался пить, но Ниязбек сказал:

– Это вода для омовения.

Они вместе сделали намаз, и Ниязбек сказал:

– Поклянись мне, что ты бросишь пить, и я тебя отсюда вытащу. Но если ты хоть один раз напьешься, – клянусь Аллахом, я пристрелю тебя сам.

Через две недели Хизри вышел на свободу. Прокурор не хотел его отпускать, потому что боялся за сына, но когда Ниязбек поднял цену до полумиллиона долларов, жадность победила. Эти полмиллиона Ниязбек заплатил из своих денег, и еще сорок тысяч он заплатил за венскую клинику, где лечился Хизри.

С тех пор, как Хизри вышел из тюрьмы, он ни разу не пил. Он молился пять раз в день и никогда больше не убивал по собственному желанию. Он убивал только по желанию Ниязбека или тогда, когда ему казалось, что Ниязбек не будет возражать.

Генеральный директор «Авартрансфлота» Сапарчи Телаев приехал к Ниязбеку Маликову за неделю до назначения Панкова полпредом. Они поздоровались и обнялись, и Сапарчи сказал:

– Послушай, Ниязбек, мне нужна твоя помощь.

Ниязбек нахмурился про себя, потому что Сапарчи был человек скользкий и неверный, и он не хотел иметь дела с Сапарчи. Еще не было случая, чтобы Сапарчи мог продать кого-нибудь и не продал. Ниязбек в глубине души полагал, что он продал даже родного сына.

– Я бы хотел стать депутатом в Шугинском районе, – сказал Сапарчи, – а это вряд ли возможно, если Хизри меня не поддержит.

Прежнего депутата от Шугинского района убили месяц назад. Скоро должны были состояться перевыборы, и Хизри Бейбулатов выдвинул на них свою кандидатуру. Некоторые гово-

рили, что депутата убил сам Хизри, чтобы освободить место, но это говорили люди, которые недолюбливали Хизри.

– Почему бы тебе не поискать другой район? – спросил Ниязбек.

– В других районах сейчас нет выборов, – ответил Сапарчи, – а кроме того, у меня зять из Шугинского района. Если я зарегистрирую его кандидатуру, мы получим вдвое больше рекламного времени, а его родичи смогут работать на меня.

Ниязбек молчал.

– Ниязбек, помоги мне, – попросил Сапарчи. – Все, что Хизри истратил на избирательную кампанию, я готов возместить.

Хизри истратил двести тысяч долларов, и все до копейки это были деньги Ниязбека. Ниязбек в таких случаях всегда помогал людям.

– Я постараюсь помочь, – сказал Ниязбек, – и не унижай меня напоминанием о деньгах.

В тот же день Ниязбек приехал в Шамхальск, где у Хизри был красивый высокий дом на берегу Терека, в пяти километрах от границы с Чечней. Это был не единственный дом Хизри: в Торби-кале у него был второй дом, со второй женой. Поговаривали, что еще есть и третья, в Москве, но никто не знал точно, женился на ней Хизри, как это полагается у правоверных, или они просто живут вместе, как это делают русские.

Жена Хизри накрыла мужчинам стол и убежала на второй этаж, где заливался плачем ребенок.

– Сапарчи Телаев хочет стать депутатом от Шугинского района, – сказал Ниязбек, – я решил помочь ему.

– Почему бы ему не выбрать другой район? – спросил Хизри.

– Потому что это внеочередные выборы. А в других районах все депутаты живы.

– Этому горю несложно помочь, – сказал Хизри.

Ниязбек промолчал. На втором этаже что-то упало, и снова послышался захлебывающийся крик ребенка.

– А зачем Сапарчи зарегистрировал не только себя, но и своего зятя? – спросил Хизри.

– Он говорит, что это затем, чтобы получить вдвое больше рекламного времени, – ответил Ниязбек, – и чтобы родичам зятя было легче ему помогать.

– Хорошо, – сказал Хизри, – мне не очень-то хочется это делать, но из уважения к тебе я сниму кандидатуру.

Хизри вышел проводить Ниязбека до машин, стоявших во дворе бронированным табунком, и Ниязбек спросил:

– Кстати, что у тебя с этой Ларисой? В Москве?

– Любит она меня, – сказал Хизри, – и я ее.

– Если она тебя любит, – приказал Ниязбек, – пусть принимает ислам и выходит за тебя замуж. У тебя и без того довольно грехов, чтобы жить с женщиной без брака.

Шамхальск был расположен в ста шестидесяти километрах от Торби-калы, и обратная дорога заняла у Ниязбека почти час. Он сидел, откинувшись неподвижно на заднем сиденье, и смотрел вбок, в плоское летнее марево, туда, где камыши сменялись солончаками и солончаки – камышами.

Некогда плодородное побережье год за годом теряло тысячи гектаров полей; на борьбу с заболачиванием и засолением почв Москва ежегодно выделяла по сто пятьдесят миллионов долларов, и пост генерального директора АО «Авармелиорация» считался одним из самых видных в республике. Занимал его, уже три года, зять президента Асланова.

Причина, по которой Ниязбек Маликов не стал ссориться с Сапарчи Телаевым, была очень проста: Ниязбеку не хотелось уходить из этой жизни, не истребовав долги со всех, кто был ему должен, и поэтому ему не хотелось плодить новых должников.

Старший брат Ниязбека был убит, и Ниязбек ни секунды не сомневался в том, что он должен делать, как семя, брошенное в почву, не сомневается и не думает, расти ему или нет. Оно просто растет.

Ниязбек знал, что ему надо убить президента республики и его сыновей.

Ниязбек знал, что ему следовало убить этих людей давно, еще после смерти сестры, но тогда это могло показаться преждевременным. Вся жизнь Ниязбека была устроена так, что он делал то, что надо было делать, и делал это тогда, когда это надо было сделать. Он презирал тех людей, жизнь которых состояла из того, что они, вместо того, чтобы делать необходимые вещи, искали объяснить, почему этого делать нельзя.

Убить Гази-Магомеда Асланова, старшего сына президента, было несложно. Его большой трехэтажный дом в центре Торби-калы был окружен телекамерами и забором, его постоянно сопровождала охрана, но в целом Гази-Магомеда охраняли не больше, чем самого Ниязбека: к Дауду, он, например, приехал всего на трех машинах.

Убить самого президента было значительно сложнее. Только федеральная часть охраны президента Асланова насчитывала около двухсот человек, и в нее входили прикомандированные сотрудники федеральной службы охраны и агенты ФСБ, а в отдельных случаях – милиция и войска.

Но это было не самое главное. Кроме федеральной службы, была еще и республиканская, в которой состояло около пятисот человек, и которую возглавлял сын президента Гамзат Асланов. Вот его-то было убить сложнее всего. На совести депутата Гамзата Асланова было больше всех убийств, совершенных в республике, и поэтому депутат Асланов не передвигался иначе, как в окружении целого взвода нукеров.

Его рабочий кабинет в парламенте республики был расположен не над, а под землей, и в предбаннике кабинета расположился целый блок-пост: со стеклянными бронированными дверями, призванными блокировать любую попытку проникновения, с вооруженными охранниками и с детектором, распознающим оружие и взрывчатку.

Кабинет Гамзата Асланова в парламенте переехал под землю после того, как его другой кабинет, на втором этаже, был выжжен прямым попаданием противотанковой гранаты. Сына президента спасло только то, что он отлучился поговорить со спикером. Точно также был оборудован его кабинет в «Национальном аварском банке», где он состоял председателем совета директоров.

Однако на самом деле ни в НАБе, ни в парламенте Гамзат Асланов практически не появлялся. Иногда его кортеж проносился по улицам, – перед прохождением кортежа бригада саперов проверяла трассу на наличие взрывчатки, милиционеры, взмокнув, перекрывали движение, на крышах домов выставлялись снайперы, в дворах дежурили гранатометчики, первых чиновников республики вздергивали звонками и назначали им встречу через полчаса в кабинете народного депутата. Однако, когда чиновники приезжали здание парламента, Гамзата там не было. Их сажали в автомобиль и везли к нему в резиденцию, а кортеж, шумиха и снайперы на крышах в девяти из десяти случаев оказывались лишь уловкой. Проверкой слуха.

По крайней мере один раз такая уловка спасла Гамзату Асланову жизнь, когда у блок-поста возле Дома Правительства, там, где автомобили замедляли ход, лавируя между бетонных блоков, взорвался фугас. Собственно, один из бетонных блоков и был этим самым фугасом, – снаряд закатали в него еще на фабрике и установили за два дня до взрыва, в ходе «ремонта» блок-поста. Тогда бронированный автомобиль сына президента разворотило, как созревший гриб-дождевик, но Асланова в нем опять-таки не было.

Никто заранее не знал, когда и куда Гамзат поедет, он почти никогда не участвовал в официальных мероприятиях, и кортеж ожидал во дворе всегда, готовый везти хоть депутата Асланова, хоть воздух, хоть двойника.

Однако чаще всего Гамзат Асланов принимал гостей в личной резиденции. Резиденция располагалась в бывшем парке им. Ленина на западной окраине Торби-калы. По внешнему периметру шла контрольно-следовая полоса, которую патрулировали охранники с собаками, а за полосой – завалы колючей проволоки и минные поля. Стена вокруг поместья была пятиметровой высоты, и по вершине этой стены шла сигнализация и телекамеры. На территории поместья стояли три дома. Один был построен в арабском стиле, и всю мебель и отделку для него привезли из Саудовской Аравии. Другой был копией особняка Мадонны возле Лос-Анджелеса, а третий выстроил шотландский архитектор по уменьшенному образцу замка в Гленморенне. Один из домов был гостевой, а в двух других жили две жены Гамзата, и в каждом из домов у Гамзата было по четыре спальни. Он ночевал в одной из них в произвольном порядке, и никто, включая его жен и охранников, никогда не знал, где он будет ночевать. Кроме этого, на территории поместья было еще пять домиков для родственников, друзей и приживал.

Словом, дом Гамзата Асланова был защищен лучше, чем база спецгруппы ФСБ «Юг» или резиденция британского премьера.

В дом Асланова приглашали крайне ограниченный круг гостей, но приглашение это считалось за великую честь. Побывать на приеме у президента республики было куда легче, чем дома у его сына. Именно здесь, в бывшем парке культуры и отдыха, происходили праздники, о которых в республике говорили шепотом, – кто с завистью, кто с ужасом. Именно здесь однажды после концерта исчезла восходящая звезда российской эстрады, певичка по имени Аиша. Хозяин дома пожелал с ней переспать, но сделал это в таких выражениях, что девушка вспыхнула и при всех ударила его по щеке. Труп Аиши нашли спустя три дня, в состоянии, от которого стошнило бы даже Чикатило. Дело не возбудили, певичку объявили без вести пропавшей.

Здесь, на этих сорока гектарах, хозяин мог все. Он мог приказать охранникам крутить сальто – и они крутили сальто. Мог приказать им ходить по канату – и они ходили по канату. Он мог вызвать к себе министра или депутата и приказать крутить сальто ему, – и министр или депутат крутили сальто, а Гамзат хлопал в ладоши, и если посетитель ему понравился, Гамзат мог снять трубку и попросить ему выдать требуемое – обычно это были бюджетные ассигнования. Впрочем, никакие сальто и ужимки не помогали посетителю, если он заранее не предлагал трети этих самых ассигнований самому Гамзату.

В системе охраны Газмата Асланова было только два недостатка.

Один недостаток назывался сам Гамзат. Гамзат относился к людям как к насекомым, а если ты относишься к людям как к насекомым, они могут ужалить в ответ.

Второй недостаток назывался гольф.

Сын президента республики Северная Авария-Дарго Гамзат Асланов много думал над тем, как улучшить инвестиционный климат в республике. Для этого он часто бывал за границей на инвестиционных форумах – в Лос-Анджелесе, Лондоне и Нагасаки. И однажды он сделал интересное наблюдение – во всех странах с большим притоком иностранных инвестиций играли в гольф.

Гамзат заключил, что если в республике Северная Авария-Дарго построить поле для гольфа, она станет благоприятным местом для инвестиций.

Вернувшись в Торби-калу, Гамзат создал государственное акционерное общество «Гольф-клуб» и получил под него сто двадцать гектаров прибрежной земли, переходящей в склон Торби-тау. Берег был заболочен и покрыт камышами, а на склоне рос реликтовый лес.

Для устройства поля для гольфа он пригласил человека по фамилии Риттельсман, делавшего такие поля и в Японии, и в Норвегии, и в Америке. Профессия г-на Риттельсмана называлась turf manager.

Риттельсман осмотрел камыши и реликтовый лес, и сказал, что поле требует тотальной перепланировки. Заболоченный суглинок надо было осушить, устроить дренаж и вбить в почву специальными машинами песок. Для того, чтобы на этом песке росла трава, это должен был быть особый песок, не грубый морской, смешанный с галькой, а тонкий, речной. Гамзат навел справки и узнал, что такой песок есть в одном карьере к западу от Торби-калы.

На следующий день Гамзат в сопровождении своей охраны поехал к карьору и приказал отгрузить песок. Ввиду важности задачи он занялся ей лично; но тут пришел прораб и потребовал за песок денег.

Тогда Гамзат ударил прораба прикладом по голове и сказал:

– Как ты смеешь выеживаться! Нам карьер нужен для того, чтобы построить поле для гольфа, а гольф нужен для улучшения инвестиционного климата в республике! Или ты против иностранных инвестиций?

После этого прораба бросили в канаву и избили как собаку, а охрана Гамзата, сильно возмущенная, прострелила шины у «БелАЗов», работавших на карьере, и забрала столько песка, сколько получилось.

На следующий день Гамзат снова приехал за песком, потому что это была важная задача и он занимался ей лично. Когда он подъехал к карьору, он увидел, что дорогу преграждают несколько джипов. В джипах сидели вооруженные люди, а прораб стоял впереди джипов с автоматом в руках.

Гамзату это не понравилось, и он приказал найти директора карьера.

На следующий день директор карьера пришел на прием к Гамзату, и сын президента рассказал ему, как гольф способствует улучшению инвестиционного климата. Директор поклонился и сказал:

– Нет проблем, я дам вам столько песка, сколько нужно. И из уважения к вам, уважаемый Гамзат Ахмеднабиевич, я отдам его даром.

– Зачем песок? – сказал Гамзат, – ты карьер отдай.

Директор карьера попробовал было сопротивляться, но Гамзат ударил его рукоятью пистолета по носу и сказал:

– Как ты смеешь выеживаться! Нам карьер нужен для того, чтобы построить поле для гольфа, а гольф нужен для улучшения инвестиционного климата в республике! Или ты против иностранных инвестиций?

После этого директора карьера били до тех пор, пока он не подписал все бумаги, которые должны были улучшить инвестиционный климат в республике.

На следующий день Гамзат поехал к карьору за песком, потому что он уделял проблеме иностранных инвестиций личное внимание, и какого было его возмущение, когда он увидел, что людей, вооруженных автоматами, стало вдвое больше, и кроме автоматов, у них появились гранатометы. Гамзат справился, в чем дело, и узнал, что карьер был не самостоятельным предприятием. Он принадлежал строительной фирме «Торстрой».

Гамзат навел справки и узнал, что эта фирма, кроме карьера, владеет еще производством шифера, стекольным заводом, семьюдесятью тысячами квадратными метрами жилья в центре Торби-калы, и тридцатью семью строительными площадками. Гамзат позвонил хозяину фирмы и вызвал его в резиденцию.

На следующий день хозяин фирмы приехал в резиденцию Гамзата, и Гамзат лично рассказал ему о том, как гольф способствует улучшению инвестиционного климата. Хозяин фирмы поклонился и сказал:

– Нет проблем, берите карьер. Из уважения к вам, Гамзат Ахмеднабиевич, я отдам его даром.

– Зачем карьер? Ты отдай «Торстрой»! – сказал Гамзат.

Хозяин фирмы попробовал было сопротивляться, но Гамзат ударил его рукоятью пистолета по носу и сказал:

– Как ты смеешь выеживаться! Мне твоя фирма нужна для того, чтобы построить поле для гольфа, а гольф нужен для улучшения инвестиционного климата в республике! Или ты против иностранных инвестиций?

После этого хозяина фирмы бросили в подвал резиденции и держали там до тех пор, пока он подписал все бумаги, которые должны были улучшить инвестиционный климат в республике.

На следующий день Гамзат приехал к карьере за песком, и увидел, что кроме людей с автоматами и гранатометами, возле карьера появился бронетранспортер, а на бронетранспортере сидит мэр Торби-калы. Гамзат справился, в чем дело, и оказалось, что хозяин «Торстроя» был зятем мэра. Кроме «Торстроя», мэр владел тремя ресторанами в центре города, пивзаводом, двумя городскими рынками, и спорткомплексом «Олимпийский», в котором тренировались четыреста крепких накачанных ребят.

Гамзат поразмыслил и вызвал в резиденцию человека по имени Шарапудин Атаев, который был очень уважаемым человеком в республике. Они немного поговорили, а потом Атаев осторожно кашлянул и сказал:

– Мне говорят, что я мог бы стать мэром Торби-калы, и что для этого нужно два миллиона долларов.

– Это очень правильно говорят, – сказал Гамзат.

– А что будет с прежним мэром? – спросил Атаев.

– А это на твое усмотрение, – ответил Гамзат.

Спустя две недели прежнего мэра расстреляли у входа в дом, а на выборах нового мэра победил Шарапудин Атаев.

На следующий день после его победы Гамзат приехал к карьере, и увидел, что возле карьера нет никого. По его приказанию рабочие загрузили машины песком и отправили на будущее поле для гольфа. Не прошло и семи месяцев, как все работы были завершены, и на западном склоне Торби-тау, между синим морем и темными бесснежными скалами построили гольф-клуб мирового уровня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.